

— Вывели породу специально для нашей птицефермы!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ю.Ф.

Мой знакомый Митя Куницын зачастил к Тонечке Сердюк, которую я знал еще дошкольницей. Мне казалось, что в любовной лотерее Митя тянет пустой номер. Тонечка была серьезной девушкой. Да и вся семья была интеллектуальной. Митя явно не вписывался в их семейный пейзаж. Еще опаснее для него было Тонино окружение — образованные, думающие комсомольцы, не отказывающие себе в удовольствии затравить молодого обывателя или пошляка, случайно забредшего в их компанию. Я как-то намекнул обо всем этом кандидату в женихи, но сочногубый, благополучный, уверенный в своей неотразимости Митя сказал:

— Тонечка не даст мне отвод. Она знает цену моим чувствам. К тому же я не пью, не курю и по бабам не бегаю, что в наше время не такое уж частое явление. Как музыкант я твердо стою на ногах — играю в секстете «Фантазия», который сопровождает Агнию Чмырь.

— Кто такая Агния Чмырь? — спросил я.

— Интересуетесь экономикой? — оживился Леша Семиглазов, аспирант университета. — Сейчас на Западе в этой области происходит много интересных, я бы сказал, знаменательных явлений. Англию продолжает трепать последовательная лихорадка, пахнет инфляцией...

— Я обратил на это внимание, — солидно сказал Митя, — ведь с экономикой сталкиваешься на каждом шагу.

— Я тоже недавно был на Западе, — продолжал аспирант. — Интересно сопоставить наши наблюдения.

— С транспортом у них плохо, — сказал Митя.

— Вы имеете в виду железные дороги? Да, в некоторых странах они нуждаются в серьезной модернизации и сейчас намного отстают от наших...

— Я говорю о такси, — покачал головой Митя. — Был со мной такой случай: выкроил я время, чтобы купить сувениры, решил съездить на зарубежную барахолку, там дешевле. Беру такси, говорю: «На маркет!», рынок по-ихнему. Едем десять минут, двадцать, час. Счетчик мотает — ужа! Я, понятно, виду не показываю — сохраняю достоинство. Через полтора часа прибываем на место. Вылез я и обомлел. «Куда, — спрашиваю, — меня завез? Какой это, к чертовой матери, вещевой маркет, когда кругом креветки, тунцы и даже плавники акулы, одним словом, дары моря!» Постучал я себя по лбу: понимать, дескать, надо, когда клиент говорит!

Вся Тонина компания прекратила пить чай и уставилась на Митю. Наступила нехорошая тишина. Я понял, что Куницын обречен. Первым нарушил молчание Миша Клячкин, чудесный парень, комсорг цеха, токарь, заочник инженерного факультета.

— Насколько я понимаю, — сказал он, — таксист не знал иностранных языков. И это, разумеется, большое безобразие. Если возишь таких иностранцев, как вы, надо знать языки.

— Точно! — согласился Митя. — Тоже мне транспортная услуга!

— Вы привели впечатляющий пример, — сказал физик Валя. — Правда, в нем больше личной трагедии, чем экономического анализа, но это не столь важно. Верно, ребята?

— Верно! Пусть что-нибудь еще расскажет! — дружно отозвались гости.

Митя расправил крылышки и полетел на огонь.

— После неудачи с таксистом мне, естественно, захотелось возместить финансовую потерю. Вечером играю я на контрабасе, Агния Чмырь разливается соловьем: «Для чего нужны рассветы, чтоб тебя встречать, для чего улыбка эта...» и так далее, а я все прикидываю, как выйти из положения. И приходит мне в голову счастливая мысль: сэкономить на стрижке!

— Митя, возможно, для окружающих это не так уж интересно! — взмолилась Тонечка.

— Нет, почему же: необычайно интересно! — запротестовал Миша. — Позволь нам, простым смертным, проникнуть во внутренний мир музыканта.

— Тоня, не будь эгоисткой, не лишай нас радости интеллектуального общения с товарищем Куницыным, — сказал Валя.

— Успокойтесь, товарищи! — сказал польщенный Митя. — Я расскажу. Так вот, обратился я к нашему саксофонисту: «Вася, будь другом, подстриги под низкую «полечку», не хочешь тратить денег на прическу». «По правде говоря, — ответил Вася, — мне не доводилось стричь людей ни в прямом, ни в переносном смысле слова, но рискнуть могу».

И он рискнул. Я глянул в зеркало, и мне стало нехорошо.

«Вася, — сказал я, — ты серьезно считаешь, что с такой головой можно выйти на сцену?»

«Ты выглядишь не совсем обычно, — замаялся Вася, — поскольку фасонной стрижки не получилось. Имеются отдельные огрехи, недоделки и даже белые пятна. Я не удивлюсь, если твоя голова вызовет нездоровый интерес у публики. Может быть, тебе лучше надеть тубетейку?»

Я так и сделал. Когда тубетейку увидел директор ансамбля, вспыхивый Нури Сеидов, он взвился под потолок.

«Что за выкрутасы, что за бред?! — вскричал он. — Куда вы идете: на сцену или в чайхану?»

Я снял тубетейку, Сеидов увидел прическу и схватился за сердце. Он не выпустил меня на сцену и еще вычел за прогул.

— Шекспировский сюжет, — сказал аспирант Леша, едва Митя закончил повествование. — Дрожь по коже!

— Вот пример, когда комедийное и трагическое соприкасаются острыми гранями, — подбавил Валя.

— Самое ужасное, что ваши убытки удвоились, — посочувствовал комсорг Миша. — Вы очутились на грани банкротства!

— Не совсем так. Сувениры я привез, и неплохие!

Митя принес из передней чемоданчик и с торжествующим видом вывалил на тахту нейлоновые платочки, узорчатые чулки и большой мохеровый шарф...

Спустя неделю я встретил Митю. На его благополучно сочногубой физиономии лежала печать растерянности.

— Обиделась, не хочет меня видеть, — сообщил он. — А почему?

— Про такси и рынок не надо было, — сказал я. — И еще про стрижку...

— Она же не все знает, — с надрывом сказал Митя. — Деньги я сэкономил ради нее, ради мохера. Какой шарф! Я покупал его не на рынке, а в самом дорогом магазине, у Фокса!

— Выходит, она не поняла своего мохерового счастья, — сказал я. — Не огорчайтесь. Найдите другую девушку. Их много, красивых и разных!

— Но я люблю Тоню!

— Но она не любит мохер...

— Все смеетесь! — обиделся Митя. — А еще инженер человеческих душ. Я же к вам всей душой...

На мгновение мне даже стало жалко Митю Куницына. Правда, не настолько, чтобы оросить слезами лацканы моего старого пиджака.

С. ШАТРОВ

СУВЕНИР ОТ ФОКСА

— Восходящая эстрадная звезда. Мы объездили с ней уже девять стран. И это, если хотите, тоже имеет значение. Из каждой поездки я привожу сувениры. Для женщины они далеко не безразличны!

Я не стал разубеждать Митю и очень скоро забыл о нашей беседе. Как-то субботним вечером, когда я сидел у Сердюков, появился Куницын. Он поцеловал ручку Тониной маме и чинно уселся за стол, где пила чай с овсяным печеньем вся Тонина компания.

— Что нового за границей? — спросил хозяин дома. — Где вы побывали на этот раз?

— В трех странах, — скромно ответил Митя.

— Многое повидали? Что бросилось в глаза?

— Контрасты.

— А конкретнее?

— Дворцы в центре, лачуги на окраинах.

— Это общеизвестно. Выкладывайте новые факты, новые детали, все, что прошло сквозь призму личного восприятия.

— Можно и сквозь призму, — сказал Митя, — хотя с призмой было не густо.

— Не улавливаю, — сказал Тонин папа.

— Не хватало времени, — пояснил Митя.

— Понимаю, — сказала экспансивная Леночка Мирошниченко, совмещавшая любовь к музыке со страстной преданностью биологии. — Музыка — это непрерывный труд, непрестанное совершенствование. Музыкант живет в мире звуков и подчас отчужден от действительности.

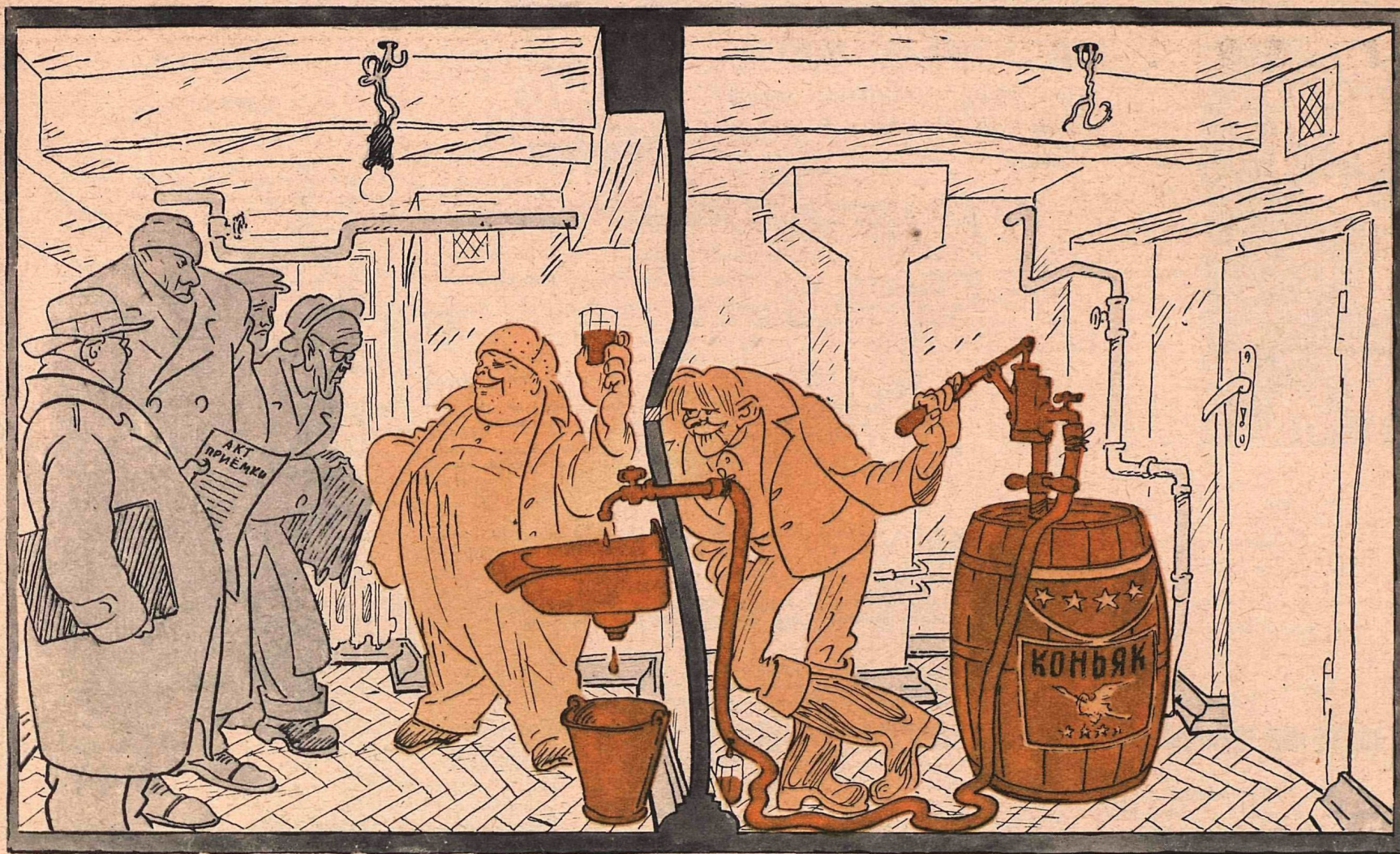
— Да, кое-какое отчуждение наблюдается, — томно подтвердил Митя.

— Я где-то читала, что виртуоз Мигуэль Падильо, когда его спросили, что ему больше всего понравилось в Париже, не мог толком ответить. Он дни и ночи не выходил из гостиницы, шлифовал три из двенадцати каприччио Паганини.

— Что и говорить, шлифовать приходится, — сказал Митя. — Иногда до того дошлифуешься, что не находишь времени истратить валюту на сувениры...

— Кого из зарубежных исполнителей вам удалось послушать? — попыталась Леночка.

— Никого. Вечерами сами выступали. Обогащался по другим линиям. Знакомился с бытом и экономикой...

— В нашем доме даже вода высшего качества! Вы только попробуйте!

Рисунок А. КРЫЛОВА

ВОСПИТАНИЕ... КОВРОМ

Солнечным июльским днем в инфекционном отделении Яшкинской райбольницы обсуждался вопрос о чуткости. Тема родилась в связи с предстоящим уходом на пенсию раздатчицы пищеблока М. С. Щербаковой.

Порешили устроить проводы без лишней помпы в узком инфекционном кругу. Набросали планчик:

1. Подготовить приветственный адрес.
2. Просить местком о материальном поощрении.
3. Собрать деньги и купить скромный, но памятный подарок.

Председателем оргкомитета единогласно назвали профорга отделения, старшую сестру О. А. Гиль.

Местком ассигновал 25 рублей.

Председатель оргкомитета О. Гиль нанесла визит председателю райкома профсоюза товарищу Уваровскому, от которого непосредственно зависело получение 25 рублей. Здесь, однако, произошла заминка.

— Хорошо, — сказал тов. Уваровский. — Я изучу этот вопрос. И дам вам знать.

Не слишком строго судите товарища Уваровского. Против Щербаковой он лично ничего не имел, просто торопливость не была свойственна его характеру.

Бесконечные и бесплодные хождения в райком профсоюза в конце концов надоели О. Гиль.

— Деньги-то для тебя предназначены, ты и пробивай вопрос, — заявила она Щербаковой.

А сама полностью переключилась на подготовку приветственного адреса и поиски подарка.

Теперь в райком ходила сама Щербакова.

Ей тоже, к сожалению, не повезло.

— Ну что вы ходите? — взорвался как-то тов. Уваровский. — Сказано вам русским языком: денег в кассе нет, баланс отрицательный. Разве не ясно?

Раздатчица не совсем уяснила себе, что значит отрицательный баланс, но по душевной стеснительности тревожить тов. Уваровского больше не стала. Вопрос относительно 25 рублей замаяли навсегда.

А жизнь между тем шла своим чередом. Где-то на исходе второго месяца в торговую сеть завезли некоторое количество ковров. Не из тех, которыми ханы Гирей устилали покои Бахчисарайского дворца, а подемократичнее, попроще, как раз то, что надо. Председатель оргкомитета энергично обрисовала работникам торговой базы, с какой целью и для кого именно нужен ковер «вне очереди», а точнее, «вне прилавка», и получила согласие.

— Ну, Марья Савельевна, сумеем, кажется, порадовать твоему вкусу! — обрадовала она Щербакову. — Подыскали подарочек. Конечно, хотелось бы сюрпризом тебя порадовать, но вот какая заминка получилась. Решено, значит, подарить тебе ковер. Стоит ковер 59 рублей, а коллектив на подарок собрал только 14. Ты доплати остальное.

Марья Савельевна метнулась туда-сюда, призаплатила денюжку и внесла требуемые 45 рублей. Покупка состоялась.

Ковер произвел неотразимое впечатление.

— Н-да... Такой ковер и Герою Труда поднести не совестно.

— Ишь ты, везет же людям! За какие такие заслуги?..

— Товарищи, — прервала коллег старшая сестра О. Гиль, — товарищи, подавим в себе нездоровые

микробы зависти. Мы должны приложить все усилия, чтобы проводить уважаемого члена коллектива...

— Чихать член коллектива хотел на наши усилия, — сказал кто-то. — Я собственными ушами слышала, как Щербакова говорила, будто она уплатила за «свой» ковер 45 рублей. Значит, она не считает его нашим подарком.

— Ах, вот как! — сказала О. Гиль. — Это существенно меняет дело. Поскольку основные хлопоты по доставанию ковра легли на мои плечи, я имею полное право оставить его себе.

И унесла ковер домой.

Разумеется, этот незначительный инцидент не отразился на подготовке к предстоящему торжеству. В назначенный час и в назначенном месте собрались члены профсоюза. Они с нескрываемым любопытством поглядывали на виновницу торжества, которая, не ведая о заготовленном сюрпризе, самозабвенно хлопотала вокруг скромного стола.

— Уважаемая Марья Савельевна, — взяла слово неутомимая О. Гиль. — Должна прежде всего сказать следующее. Нам стало известно, что вы допустили отдельные нетактичные высказывания в наш адрес, чем незаслуженно оскорбили коллектив. Поэтому, посоветовавшись, мы решили лишить вас ковра. С воспитательной целью. Вот ваши 45 рублей, и не таите обиды. А теперь позвольте мне от имени и по поручению...

И председатель оргкомитета произнесла теплую, задушевную, чуткую, хотя и не совсем искреннюю речь. По окончании ее М. С. Щербакова заплакала навзрыд, а собравшиеся дружно аплодировали, подавляя неловкое ощущение, которым обычно сопровождается всякое добровольное соучастие в хамстве.

Впрочем, весьма вероятно, что я ошибаюсь, возможно, никакого такого ощущения никто из них не испытывал.

пос. Яшкино,
Кемеровской области.

Б. ЧУБАР

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

(из раздела «Читатель спрашивает — мы отвечаем» в вечерней газете)

Т. РОДИОНОВ. Велосипед при езде скрипит. Чем лучше смазать?
ОТВЕТ. Консультацию дает мастер велосипедного спорта тов. Гайкин: трущиеся детали смазать тавотом.

К. ВОРОБЬЕВ. Прочел в вашей газете, что велосипед надо смазывать тавотом. Где можно купить тавот?

ОТВЕТ. Как нам сообщили в горхозторге, тавот продается в керосиновой лавке: Малая Скипидарьевская ул., д. 4.

М. ЗАЙЦЕВ. Узнал из вашей газеты, что тавот продается в лавке на М. Скипидарьевской ул., 4. В какие часы торгует лавка?

ОТВЕТ. Директор керосиновой лавки тов. Политуров сообщил нам, что лавка открыта ежедневно, кроме суббот, воскресений (выходные дни), вторников и четвергов (культурных мероприятий) с 9 ч. утра до 3 ч. вечера. Перерыв на обед с 12 ч. до 2 ч. дня. Каждый понедельник лавка закрыта на учет, каждую пятницу — на санитарный день. По средам лавка открыта с 9 ч. утра до 11 ч. дня ввиду приемки товара.

Г. ВОЛКОВ. Хотел посетить керосиновую лавку на Малой Скипидарьевской, однако ни автобус, ни трамвай в настоящее время по ней не ходят. Как быть?

ОТВЕТ. С этим вопросом мы обратились к заведующему горномхозом тов. Кюветову. Действительно, сказал он, на Малой Скипидарьевской развернулись дорожно-канализационные работы. Желающим поехать на эту улицу порекомендуем воспользоваться велосипедом.

Т. РОДИОНОВ. Согласно вашему совету, поехал по М. Скипидарьевской к керосиновой лавке на велосипеде и попал в яму. Сейчас лежу в больнице с переломом целого ряда конечностей. Койна скрипит. Чем смазать?

ОТВЕТ. Мастер велосипедного спорта тов. Гайкин советует: тавотом.

Переписал В. АЛЕКСАНДРОВ.

Ждите писем...

В детстве я любила играть в прятки и ужасно огорчалась, когда меня находили. С той поры прошло много лет. Я давно уже инженер и мать пятерых детей. И тем не менее продолжаю играть в прятки. Но теперь я ужасно огорчаюсь, когда меня не находят.

А все дело в том, что в июле у нас на улице Ломоносова появился дом под номером 141/3. Под тем же номером, что и многоквартирный дом, в котором я живу.

Думали мы, жильцы, гадали: как быть? А тут 49-е почтовое отделение возьми да и вывеси объявление о том, что вся наша корреспонденция будет идти в новый дом. Поскольку ваш, дескать, выходит на две улицы, а этот только на одну. Действительно, логичное решение. Нельзя же письма разрезать на две части...

Так и повелось. Заказал, к примеру, мой сосед дядя Сеня билет в Сочи с доставкой на дом, а принесли билет дяде Косте, который никуда не едет и выкупать билет не хочет. Или девушке Ларисе шлют цветы ко дню рождения, а вручают букет древнему дедушке Рустаму. Тут тебе и радость, и скандал, и обида... Весь букет чувств!

Ю. ДЕНЬГИНА

г. Душанбе.

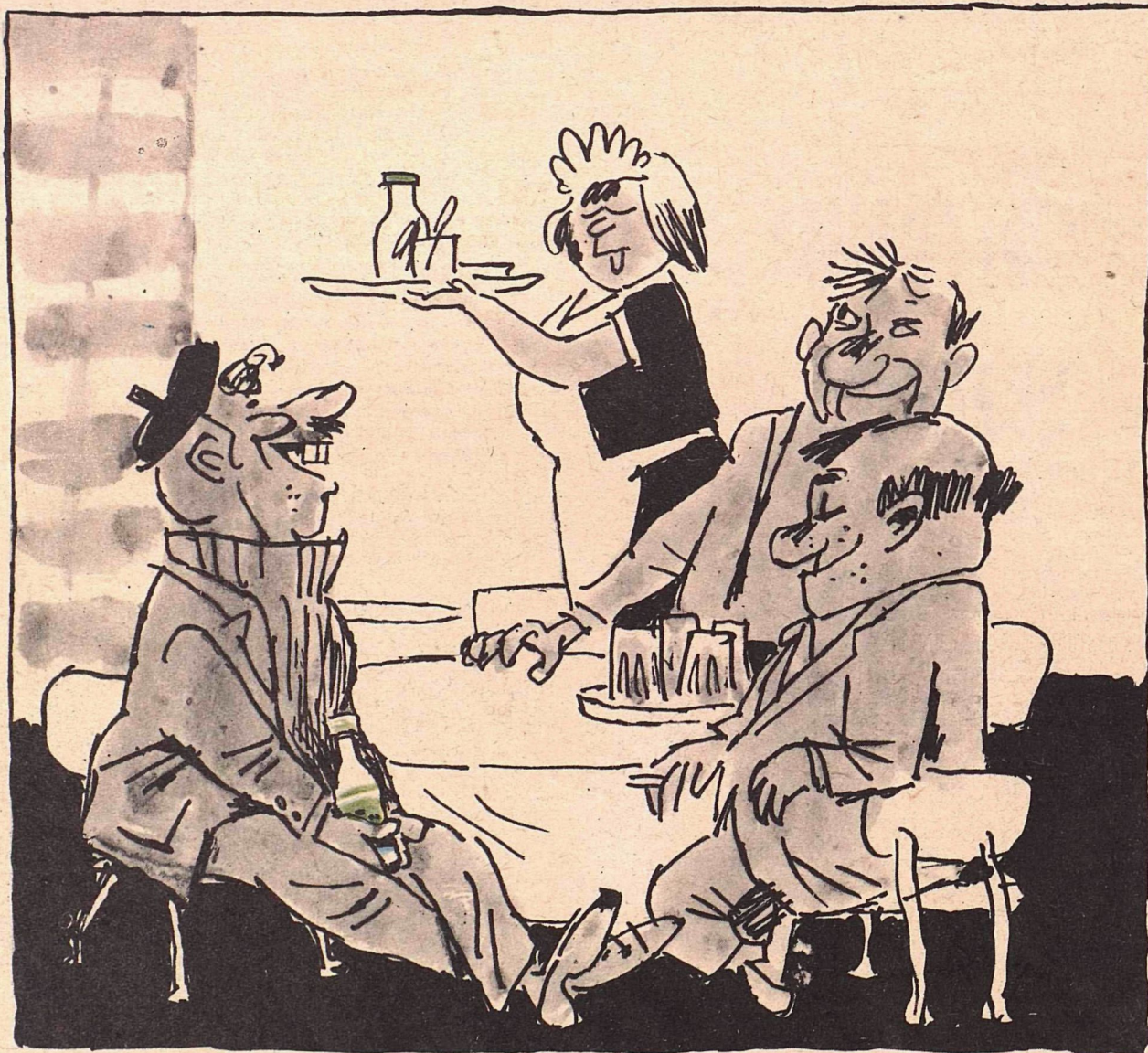
ЗА ТЕ ЖЕ ДЕНЬГИ

Новую модель диван-кровати артикул 2587-У освоил и внедрил в производство Рожнятовский лесокombинат треста «Прикарпатлес». В отличие от обычных диван-кроватей, остающихся таковыми до конца своих дней, новая модель без всякого постороннего вмешательства превращается в обычную кровать.

Судя по письму читательницы Л. П. Ганевой из г. Кадиевки, процесс самопревращения диван-кровати в кровать происходит следующим образом. «Ровно через месяц после покупки, — пишет тов. Ганева, — отвалилось фанерное дно дивана... Через три месяца вышел из строя один пружинный механизм, удерживающий спинку в вертикальном положении... Еще через два месяца — другой механизм... Затем раскололась рама. И в результате диван-кровать превратился в кровать...»

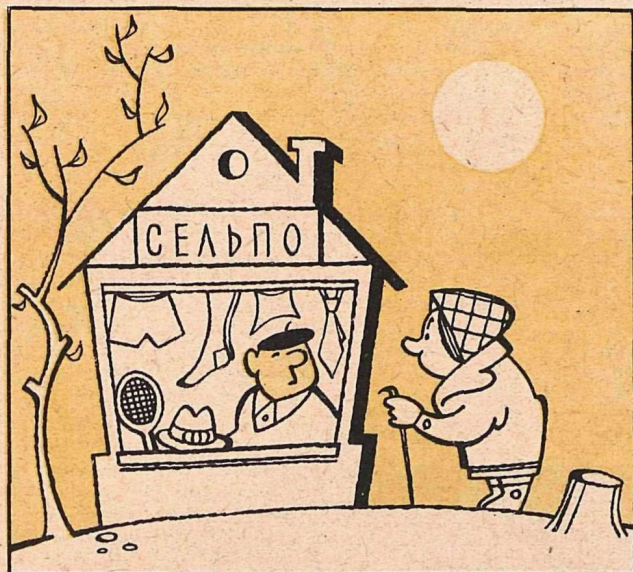
Не исключено, что рожнятовские мебельщики вскоре освоят выпуск книжных шкафов, превращающихся в кухонные полки, трюмо — в тумбочки и письменных столов — в кучу дров.

А. Г.

— Этот столик не обслуживается...
— А нам и не надо!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Найдите изменения, происшедшие на рисунках за последние два месяца.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Лакированные головы

В Ростове-на-Дону мастера парикмахерского дела выбросили лозунг «Красота требует жертв», подразумевая под жертвами своих клиенток.

Под таким лозунгом местные парикмахеры добавляют изрядную толику мебельного лака в специальный лак для причесок. Тем самым они смягчают дефицит лака, но делают волосы более жесткими.

От жесткости до жестокости один шаг. Ибо между дубовым столом или шкафом и человеческой головой, наверное, имеется некоторая принципиальная разница. На это намекают выпадение волос и различные кожные заболевания, неизвестные мебели, но возникающие у людей, испытавших действие смеси.

Пострадавшие обращаются с жалобами в ростовский банно-прачечный трест, которому подведомственны парикмахерские. А оттуда мастерам-рационализаторам даже пальчиком не грозят.

Возможно, руководители треста поступают так по хозяйственным соображениям. Наверное, они надеются увеличить число посетителей бань за счет желающих избавиться от корки на голове. Но это—заблуждение! Мебельный лак не берет ни горячая вода, ни мыло. Требуется специальный растворитель. А его не всегда найдешь в магазине.

Прически держатся. Людям труднее.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Аспирином? Сухой малявкой? А может быть, вас устраивают баня и сто граммов?

Лично я уважаю горчишники. И мне хотелось бы поделиться с вами некоторыми навыками в их применении.

Допустим, вы приходите в гости к приятелю. А он лежит больной. Кашель. Хрипы. Температура ползет вверх. Вы решаете: надо ставить горчишники. Причем срочно, не теряя ни минуты.

Берете глубокую тарелку, наливаете горячей воды, переворачиваете приятеля со спины на живот и обнажаете его спину. Затем мчитесь на вокзал и берете билет до Волгограда. Поехали!..

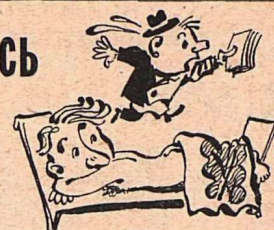
Прибыв в Волгоград, идите мимо всех аптек прямо на единственный в стране завод горчишников. Войдя в кабинет директора, вздохните и, нейтрально глядя на Волгу-матушку, сообщите:

— Как я вас понимаю!

— А что? — встрепетается директор.

— Трудно вам. Все повадились ставить себе горчишники. Вон Москва на год требует 120 миллионов. А вы можете дать только половину.

ЧЕМ ВЫ ЛЕЧИТЕСЬ ОТ ПРОСТУДЫ?

Разве вы тут виноваты? Эх!..

Если вздохнет и директор, значит, клянуло. С надрывом в голосе продолжайте:

— Разве вы виноваты, что бумаги у вас не хватает? Союзглавбум в этом году срезал фонды на 100 тонн. Это ужасно.

Если в этот момент в глазу директора сверкнет скупая мужская слеза, добивайте вопрос до победного конца.

— Да и что за бумагу дают? Сокольского производства. Ведь это не бумага, а строительный картон! А почему бы не дать бумагу Окуловского комбината? Так нет! Пускают ее на табачные изделия... Я считаю, что мой приятель сейчас погибает единственно по вине бумажников. Нечего поставить ему на спину.

Тут директор по-отечески обнимет вас, откроет сейф и даст вам пачку горчишников, специально выпущенных на окулловской бумаге для зарубежных делегаций и почетных гостей.

Вернувшись в родной город, вы махаете экстра-горчишники в подогретую воду и ляпаете их на спину друга. Через десять минут снимаете. А наутро ваш друг здоров и приглашает вас на рыбалку.

Вот и все. Разрешите задать вопрос интимного плана. Только теперь уж руководителем Союзглавбума:

— Чем вы лечитесь от простуды? Кобальт-пушкой? Искусственной почкой? Трансплантацией сердца? Так вот, я советую горчишники. Очень помогает.

Устин МАЛАПАГИН

Алиби за казенный счет

Если бы я был скульптором, я бы изваял общий портрет дежурного администратора вильнюсской гостиницы. Думаю, что потомки, до которых дошел бы этот шедевр, получили бы полное представление о

силе духа нашего современника.

Если бы я был композитором, я написал бы концерт для хора командированных, в котором преобладали бы нотки безысходной тоски по отдельному гостиничному номеру.

Если бы я был заместителем председателя горисполкома, я бы тоже, как он, завидев входящего в кабинет человека в мокрой шляпе, с тоскующим взглядом, помог бы ему устроиться на ночлег.

Если бы я был умудрен опытом, то, попав вечером 18 октября в двухместный номер гостиницы «Вильнюс», сразу же полез бы в постель, а не стал бы удивляться, почему пустует до утра соседняя кровать.

Если бы я был дежурной по этажу, я бы тоже, как она, с чистой совестью вязал носки, время от времени поглядывая на квитанцию гражданина Ефимова А. М., оплатившего койко-место по двадцать шестое число. Впрочем, я все-таки поинтересовался бы, почему это постоялец не желает жить в гостинице.

А вот если бы я был Ефимовым Афанасием Макеевичем и, находясь постоянно в Каунасе, двадцать шестого октября заскочил бы, как он, на час-другой в Вильнюс, чтобы продлить плату за гостиницу по тридцатое октября, я бы не стал откровенничать с первым встречным.

Если бы я был директором Каунасского станкостроительного завода, я бы, командировав в Вильнюс почти на месяц слесаря Ефимова, загрузил бы его работой не на день-два, а на соответствующий календарный срок. Чтобы он проедал суточные не у теплого домашнего очага в Каунасе, а по месту командировки в Вильнюсе, сочетая это занятие с трудовыми буднями.

Если бы я был дежурным администратором гостиницы «Вильнюс»... О, если бы я им был! Я бы продемонстрировал силу духа не только в отношении бесприютной армии командированных, со шляп которых на журнал регистрации падают осадки. Я бы распространил ее действие и на гражданина Ефимова, который, пребывая в Каунасе и не ударяя палец о палец, имеет оклад и командировочные. А также алиби — квитанции на пустую койку.

Но я всего лишь

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Вильнюс.

Дипломат

Заказанные блюда мы ждали не менее часа, да к тому же они оказались совершенно несъедобными.

И тогда мой друг попросил книгу жалоб и предложений.

— Э! — сказал я. — Стоит ли жалобой портить себе нервы? Ведь будут возражать, опровергать, контратаковать...

— А я вовсе не жалобу пишу. Я пишу благодарность.

— Благодарность?!

— Да, благодарность... Видите ли, мой друг, жалобами здесь никого не удивишь. Это для них, так сказать, нормальное, обычное явление. А вот благодарность задевает в сердце самые лучшие струны. И я становлюсь обаятельным, понимающим, чутким посетителем. И в следующий раз ни у кого из них не поднимется рука обслужить меня так же, как сегодня...

Когда мы на следующий день пришли питаться, не прошло и двух минут, как нам был подан превосходный обед.

А. ЧИКАРЬКОВ

СПАСИБО, СТАРИКИ!

Вышел в свет превосходный, с тщанием и любовью выпущенный Ленинградским отделением издательства «Советский художник» альбом «Улыбна Светлова».

Его сделал Иосиф Игин. Комсомольцы, молодежь да и старые, седые люди, влюбленные в поэзию Светлова, будут благодарны Игину.

Художник рисовал Светлова тысячу или миллион раз. Я не знаю, смог ли бы кто-нибудь нарисовать Светлова лучше.

Карандашом мастера водили Любовь и Дружба.

Можно ли написать о Светлове лучше, чем нарисовал поэт Игин? Трудно сказать. Попытки уже есть, и немалочисленные. Но никто еще не изобразил Светлова с таким пониманием, с таким чувством нежности, какое мы встретили в этом альбоме. Светлов курит,

идет снежной московской ночью, Светлов удивляется, негодует, Светлов просто сидит, шутит, смеется, и, боже мой, сколько раз остро пронзит вас жестокое сознание, что его нет, ушел, исчез, больше не увидимся!

Альбом полон щемящей нежности. Игин как бы высказался весь. Он не стесняется своей приверженности, он ее не скрывает, не опускает глаз. Обаятельный, некрасивый человек с тонкой иронической улыбкой, современный Дон-Кихот живет в его альбоме. Художник заставляет вас вспомнить все, что вы читали когда-то из неповторимого, из светловского, все, что запало вам в память, в душу, он заставляет еще и еще раз думать о Светлове, переживать его кончину, не хотеть ее, отрицать.

В книге много маленьких рассказов. В большинстве своем это ставшие классическими светловские шутки. Нельзя забыть светловский стих, доброту, голос, и кажется, мы еще встретимся с ним, услышим его такие простые и такие настоящие стихи...

В вечность поплывет
мое лицо,
Ни на что, ни на кого
не глядя,
И ребенок выйдет
на крыльцо,
Улыбнется: «До свиданья,
дядя!..»

Я держу в руках прекрасную, добрую книгу и говорю не только автору, но также издательству, всем рабочим ордена Трудового Красного Знамени ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, как, наверно, сказал бы Светлов:

— Спасибо, старики!

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Прежде чем приступить к делу, я сходил на рынок, купил неощипанного гуся и выдернул у него из крыла длинное маховое перо. Эту принадлежность гусяного одеяния я собирался использовать не для смазывания сковороды под блины или оладьи, а для написания кандидатской диссертации.

По моему глубокому убеждению, подлинный ученый должен писать только гусиным пером. В этом я убедился, созерцая выставленные в музеях портреты Галилео Галилея, Спинозы и Нестора Летописца. Ни один из этих мужей не был изображен за пишущей машинкой или тем более с шариковой авторучкой.

Очивив перо лезвием безопасной бритвы, я обмакнул его в чернила и сосредоточился. Возвышенные мысли клокотали во мне и, казалось, сами просились на бумагу. Я снова обмакнул перо и снова сосредоточился. Однако чем больше времени я проводил за этим занятием, тем все больше убеждался, что накопленные мною богатства знаний не так-то легко выманить на бумагу.

Просидев за письменным столом несколько дней, но так и не выдавив из себя ни одной строчки, я созвал своих домочадцев.

— Итак, дорогие мои,— сказал я, поигрывая гусиным перышком,— мы с вами приступаем к работе над кандидатской диссертацией. Писать будем коллективно, а ученую степень кандидата наук получу я!

— Это что же,— моментально вспыхнула жена,— ты хочешь воспользоваться чужим трудом?! В таком случае я тоже требую для себя ученой степени!

Вслед за женой слово взяла теща.

— Я человек пожилой,— сказала она,— и на ученую степень не претендую. Но если мне представится возможность иметь несколько научных публикаций, я согласна. Говорят, что публикации — очень нужная вещь.

Поползновения на мой научный приоритет я пресекаю самым решительным образом.

— Друзья мои,— сказал я, нервно теребя гусиное перо,— вы люди образованные и должны знать, что за одну диссертацию ученая степень может быть присуждена кому-либо одному. Научные публикации тоже нужны мне самому. Но при всем при том вы должны учесть, что в случае присуждения мне ученой степени материальный выигрыш получит вся семья. А раз так, то и трудиться мы должны сообща!

— Другие мужья поступают иначе,— сказала жена,— за них диссертации пишут не родичи, а аспиранты.

— За такие дела можно нажить крупные неприятности!

— Нисколько. Над докторской диссертацией Александра Ивановича пытели целых три кандидата наук и один ученый-зоотехник. После этого в институте три месяца сидел народный контроль. Дело слушалось на коллегии министерства. А с Александра Ивановича как с гуся вода!

— Неужели? — удивленно воскликнул я.

Прочитав на моем лице неподдельный интерес, хорошо осведомленная супруга изложила историю с диссертацией Александра Ивановича более обстоятельно.

В институте, которым руководит Александр Иванович, имелись вакантные должности. Александр Иванович принял на эти должности трех научных сотрудников с кандидатскими степенями и одного без степени: специалиста по крупному рогатому скоту, специалиста по овцам и свиньям, специалиста по кормам и специалиста по кроликам. Затем он пригласил этих специалистов к себе в кабинет и сказал:

— Итак, дорогие мои, мы с вами приступаем к работе над докторской диссертацией. Работать будем вместе, а в роли соискателя ученой степени выступлю я!

— Как прикажете,— ответствовали специалисты. Они не кочевряжились, как мое семейство.

Обязанности распределили следующим образом. Три специалиста отправляются в библиотеки, четвертый остается в институте, Александр Иванович уезжает на свою подмосковную дачу. Трое пишут рефераты и обзоры и представляют их четвертому. Четвертый дорабатывает обзоры и вместе с институтскими стенографисткой и машинисткой в институтской автомашине везет их на дачу Александра Ивановича. Александр Иванович, сядя у самовара, анализирует привезенные ему материалы и с ходу диктует стенографистке. Та передает записи машинистке и так далее.

Таким способом четыре научных работника во главе с пятым, Александром Ивановичем, за полто-

ра года сочинили докторскую диссертацию объемом в семьсот шестьдесят одну страницу.

Четырех научных работников (на этот раз без пятого) пригласили представители народного контроля и спросили, не считают ли они, что на обложке диссертации рядом с фамилией Александра Ивановича должны стоять и их фамилии.

— Нет, не считаем,— скромно потупившись, ответили научные работники.

— Александр Иванович — ученый с большим именем,— уничижая себя, пояснил специалист по кроликам.— Работать рука об руку с ним — достаточная компенсация.

— Я лично руководствовалась только интересами науки,— пояснила специалист по свиньям и овцам.— Служение науке для меня превыше всего.

— А для меня абсолютно безразлично было, над чем работать и с кем работать,— спокойно доложил специалист по кормам.— Лишь бы зарплату платили.

Московский городской комитет народного контроля в действиях директора института узрел злоупотребление служебным положением, а в поведении его коллег — чистейший подхалимаж. Что узрела во всем этом коллегия министерства, моя супруга не ведала, и мне пришлось выяснять это у самого Александра Ивановича.

Сунув гусиное перо в кармашек для авторучки, я отправился во Всесоюзный институт научно-технической информации по сельскому хозяйству, возглавляемый Александром Ивановичем.

— Коллегия министерства,— сообщил Александр

Иванович,— нарушений в подготовке моей диссертации не нашла. Я, как директор института, только создал себе условия для научной работы. Единственное нарушение, может быть, заключалось в том, что я вызывал на дачу институтских стенографисток и машинисток. Дорогой мой, учтите, сейчас не те времена, когда ученый работал в одиночку, гусиным пером. И это говорю вам не только я. Это подтвердит любой ученый, занимающий административный пост.

Моя супруга оказалась права. Мне абсолютно не к чему было эксплуатировать своих домочадцев, заставлять их карабкаться по тернистым тропам науки. Мне следовало устроиться директором института и посадить за свою диссертацию кандидатов наук.

И мне захотелось поскорее бежать на поиски института, где еще свободна должность директора. Но перед этим нужно было все же убедиться, что здесь не произошло недоразумения и коллегия министерства просто не были известны выводы народного контроля.

Я прошел в здание Министерства сельского хозяйства СССР и попросился на прием к заместителю министра Г. И. Воробьеву.

— Да,— сказал заместитель министра,— мы знали мнение народного контроля и приняли его во внимание. Директор института Александр Иванович Тулупников использовал труд научных сотрудников с разрешения министерства.

Вечером того же дня, просматривая «Вечерку», я прочел объявление о том, что в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР состоится защита докторской диссертации А. И. Тулупникова.

С нетерпением дождавшись назначенного дня, я помчался на защиту. Ученый совет и диссертант с удовлетворением слушали положительные отзывы на диссертацию, поступившие от ряда сельскохозяйственных институтов.

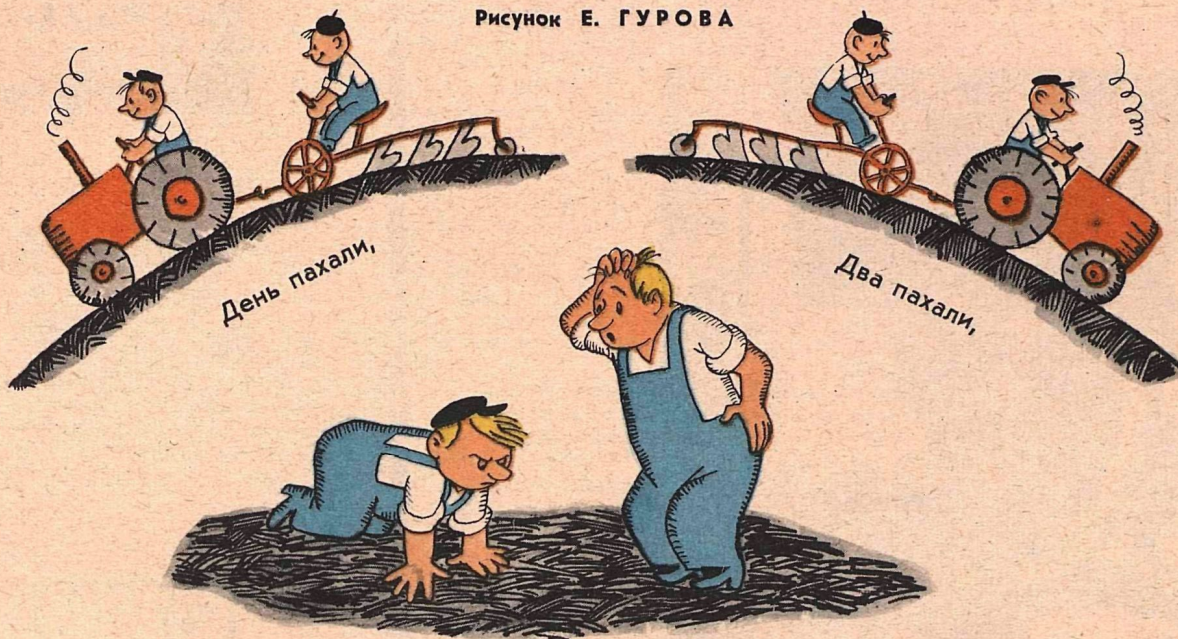
Правда, размеренное и плавное течение церемонии было несколько нарушено, когда секретарь ученого совета огласил письмо восьми сотрудников института, возглавляемого А. И. Тулупниковым. Авторы письма выражали свой протест против «группового» метода работы над диссертацией. Однако вслед за этим письмом было зачитано письмо пятнадцати других работников того же института, которые гневно осуждали непочтительное заявление авторов предыдущего письма.

Ученый совет открытым голосованием единогласно присудил А. И. Тулупникову ученое звание доктора экономических наук.

Тут только мне стало понятно, что я безнадежно отстал и что безвозвратно прошли те времена, когда ученые корпели над своими диссертациями в одиночку. Сколько я ни всматривался, я не заметил, чтобы у кого-либо из членов ученого совета из кармашка выглядывало гусиное перо...

А. ГОЛУБ

Рисунок Е. ГУРОВА

Гайку где-то потеряли.
Эту гайку не сыскали...
Акт составили. Списали:

Идущим в гору поэтам завидуют все, кроме лошади: она-то знает, чего это стоит.

На литературном течении мельницу не поставишь.

Бодрящий холодок отношений.

Ю. КОРТНЕВ

Не каждый работник умственного труда уходит в работу с головой.

Ошибаются те педагоги, которые полагают, что соль детской литературы — в патоке.

Язык бы не сплетничал, если бы уши не слушали.

Глеб АВАБИН

Услышав в докладе «и другие», приосанился: «Вот видите, и обо мне заговорили!»

«Не слушали — постановили» — этого в протоколах не пишут, но так бывает.

Из-под его разящего пера летели перья.

Язык твой — враг мой. Ты ведь только пишешь, а я и читаю тебя!

На ошибках учимся. Но не слишком ли много у нас таких учащихся?

Л. МИТНИЦКИЙ

Арк. АРКАНОВ

Песенка-притча об одном сапожнике, который начал с сапог и кончил сапогами

В одном королевстве далеком
В давно позабытые дни
Сапожник жил-был одинокий.
Ботинки он людям чинил.

Он дратвой орудовал ловко,
Он гвоздики в кожу вгонял.
Набойки, подковки, головки
И даже подметки менял.

И в том королевстве немалом
Среди государственных дел
Сапожное дело стояло
Всегда на большой высоте.

Он как-то заклеил ботинки
Магистру Того и Сего.
И, очень довольный починкой,
Магистр не забыл про него.

Сапожник возвысился быстро
(О чем и мечтать он не смел).
Сапожник стал другом

магистра
И всем был поставлен
в пример.

А в том королевстве хорошем
В упадке торговля была.

Сапожник немедля был брошен
Поправить в торговле дела.

Сапожник работал с искринкой,
Поскольку был вовсе не стар.
И вот на прилавках и рынках
Уже появился товар.

Лежат вместо сыра подметки,
Резиновый клей вместо вин,
И стельки на месте селедки,
И мед уж не мед — гуталин.

Магистр призадумался даже:
«Сапожник в торговле — того...
Он слишком активен. Куда же
Нам с пользой пристроить его?»

А в том королевстве премиллом,
Помимо торговли, давно

Кино никуда не годилось...
Сапожник был брошен в кино.

И взялся за дело он рьяно,
Поскольку еще был не стар.
И вот на широких экранах
Уже появился товар.

В подметки сюжет не годится,
И белые нитки торчат.
А в залах такое творится!
— Сапожники! — люди кричат.

Магистр призадумался даже:
«В кино наш сапожник — того...
Он слишком активен. Куда же
Теперь нам пристроить его?»

И снова, забыв про усталость,
Сапожник трудился, как слон.
А вскоре и дел не осталось,
Каких не поправил бы он...

Тем временем мало-помалу
Родное его ремесло —

Сапожное дело — увяло
И вовсе в упадок пришло.

В ботинках дырявых и рваных
Народец гулял вечерком.
И даже король,

как ни странно,
На троне сидел босиком.

Но выход был найден
хороший.
И вывод был ясен и строг:
Сапожник немедленно брошен
Был вновь на починку сапог.

И все стало снова, как прежде,
И снова доволен народ.
Лишь только сапожник
в надежде
Глядит по утрам из ворот.

Он смотрит наивно и чисто,
Не в силах понять ничего,
Он ждет появления магистра,
Который возвысит его.

Вот сказка,
прослышавшая бьюлю.
Она и смешна и грустна...
Какие нелепости были
В далекие те времена!

«БРАК ВЕКА»

Подготовка к брачной церемонии была на редкость скромной. Вертолеты, перевозившие гостей с материка на остров, принадлежащий жениху, сажались не чаще, чем раз в десять минут. Доставку тюльпанов на Скорпиос непосредственно из Голландии осуществляли всего-навсего два реактивных лайнера из авиакомпании «Олимпик эйрлайнс», тоже принадлежащей жениху. Особый вертолет высадил маэстро Анджело из Афин, короля куаферов, призванного следить за сохранностью причесок гостей.

Молодожен, которому, судя по его аргентинскому паспорту, 21 сентября исполнилось 68 лет (лично он кокетливо утверждает, что на самом деле ему всего-навсего 62), ожидал церемонии на борту своей скромной яхточки «Кристина» водоизмещением в 1300 тонн и длиной около ста метров. Раздевшись до пояса и удовлетворенно похлопывая себя по волосатой груди, он развалился в кресле за письменным столом, в свое время принадлежавшим одному из Людовиков, ожидая прибытия святого отца Поликарпоса Атанассиона из Афин, призванного на остров для освящения брачных уз.

Невеста — на 29 (или 23 года) моложе своего жениха — тем временем следила за примеркой новых туалетов, приготовленных дочери и сыну, и неопределенно улыбалась.

Глупые люди, глупые журналисты, что за чушь они пишут о том, что вдове президента Кеннеди, Жаклин Кеннеди, не следовало бы выходить замуж за Аристотеля Сократа Онассиса, греческого миллиардера, одного из богатейших людей мира?! Что за чушь сочиняют жалкие чернильные перья! Будто ей, вдове президента, известными своими либеральными взглядами, не к лицу соединять свою жизнь с человеком, который, несмотря на знание шести языков, ни разу не произнес слов «доброта», «порядочность», «интеллект», «идеал». Но зачем ему вообще слова? За него говорят сотни миллионов долларов!

Еще пишут, что у Ари нет фантазии. Может быть. Он подарил невесте браслет с буквами «ЖЯТЛ»: «Жаклин, я тебя люблю». Своей предыдущей жене, Тине, он подарил такой же браслет с буквами «ТЯТЛ». Любовнице Марии Каллас он преподнес браслет с буквами «МЯТЛ». Говорят, его любимые анекдоты воглали бы в краску даже навсегда портового кабачка. Говорят, что он всегда спит в театрах, а в ресторанах бьет посуду на сотни долларов. Может быть, но почему бы и не бить посуду, если за нее есть чем заплатить? Да он мог бы, господа журналисты, побить всю посуду во всех ресторанах мира и даже не мигнул бы, подписывая счет на тонны стекла, фаянса, фарфора и хрусталя. Мало того, если бы Ари захотел, он мог бы заказать вам всем статьи с таким гонораром, что вы

изобразили бы его величайшим филантропом и благодетелем рода человеческого...

После трагической гибели мужа Жаклин Бувье Кеннеди на долгие годы овладела первыми страницами газет и воображением американцев. Описывалось и обсуждалось все: прическа сына Джона, чулочки дочери Каролины, улыбки самой Жаклин, взгляды и вздохи кавалеров, сопровождавших ее по ночным клубам Рима и среди развалин храма Ангкор-Ват в Камбодже. Целая плеяда журналистов составила себе имя, предсказывая матримониальные планы вдовы президента с регулярностью прогнозов погоды.

И вдруг словно взрыв петарды: Жаклин Кеннеди выходит замуж за Аристотеля Сократа Онассиса, греческого миллиардера, выделяющегося своими хищными замашками даже среди не слишком кроткого мира международных финансовых акул! Движения души Онассиса выражаются лишь одним движением руки: он лезет за чековой книжкой, чтобы купить, подкупить, задавить, задушить, надуть конкурента. Очевидно, ему это удавалось лучше, чем другим, потому что сегодня новоявленный Одиссей, как любит себя называть старый пират, владеет танкерным флотом водоизмещением в 4 миллиона тонн, авиакомпанией, отелями, банками, земельными участками и целыми островами. Совсем недавно он вел переговоры с греческой хунтой о подряде на сумму в 360 миллионов долларов.

На первый взгляд может показаться странным, почему общественность в Соединенных Штатах столь болезненно восприняла весть о браке Жаклин Кеннеди. Казалось бы, сказочно богатый человек должен импонировать обществу, идеалом и цементом которого являются деньги. Но люди часто не любят признаваться себе в чувствах и мыслях, спрятанных в тайниках их душ...

Возможно, брак нынешней миссис Онассис — это своеобразная форма вызова Америке — стране, где были убиты ее муж Джон Кеннеди и деверь Роберт Кеннеди. Если это даже и так, сама форма вызова носила скорее ювелирный характер: во время брачной церемонии на невесте было драгоценностей на миллион двести тысяч долларов. Разумеется, в США молодоженам приходится поступать с драгоценностями поосторожнее: того и гляди украдут...

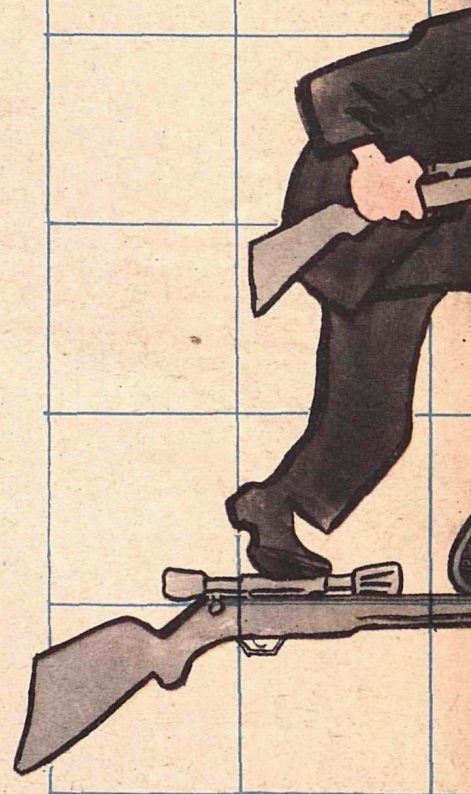
Нет, ценности буржуазного общества не поколеблены этим «браком века». Наоборот, они выявлены с такой кристальной ясностью, что многим стало не по себе...

З. ЮРЬЕВ

УБИЙСТВЕННАЯ С

Однажды — но, в начале танский посол рая на то, как риканцы на тер колоний, в час одарить их до превратить сво поучительно и восхищаться л хаса, Флоридь город, который гордиться тем Совет мудр

Ежи ЗАРАНЕК

ПОЛЬЗА ОТ КУРЕНИЯ

Микроюмореска

Я бросил курить и узнал, что потерял некоторые преимущества. Оказывается:

1. Курящего не кусают собаки.
2. Курящего не обкрадывают воры.

3. Ку

Я ре
И узн
Оказ

1. У
а от к
баком

2. В
да, гд
щий в
ляет.

3. Ку
му что
сти.

СТАТИСТИКА

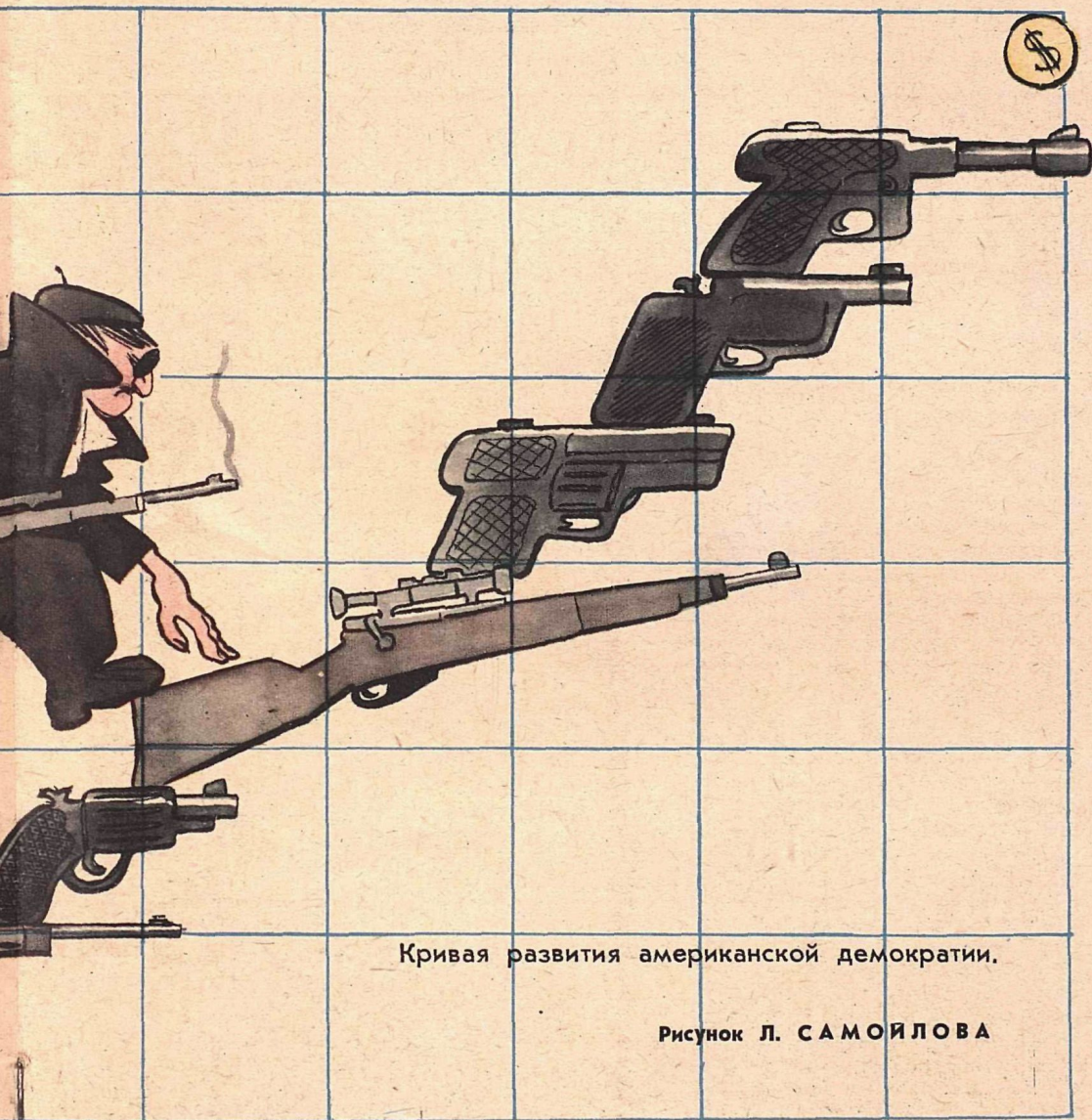
...это случилось довольно давно — нынешнего столетия — в Соединенных Штатах, визит неумело хозяйничают на территории бывших английских колоний. В Вашингтоне, решив дать советом. «Вам нужно в столицу в такой город, — зряк он, — которым мог бы любой приезжий из Мэна, Теннесси, Арканзаса или Орегона, заставляя бы приезжего думать, что он американец». Британца не пропал да-

ром. Прошло каких-нибудь полсотни лет, и... Но не будем делать скоропалительных выводов. Лучше познакомимся с фактами. Вон там, у памятника Аврааму Линкольну, стоит приезжий (из Мэна ли он, Флориды, или Арканзаса, не имеет значения). Шевеля губами, он старательно разбирает надпись на красивом монументе. Около него трутся два молодых субъекта, не обращающие никакого внимания на застывшую в мраморе фигуру бывшего президента. Их больше интересует застывшая в восторге фигура приезжего простофили. И вот уже приезжий испускает вопль, обнаружив отсутствие в кармане своего родного бумажника. Когда подошедший полицейский узнает, какой суммы лишился заезжий турист, он почтительно прикладывает руку к козырьку и говорит: — Сочувствую, сэр. Это ужасно, сэр. Может быть, вам станет легче, если я сообщу, что в городе только за прошлый месяц было совершено около двух тысяч крупных краж, в том числе со взломом.

Нет, приезжему не становится легче. Наоборот, ему становится плохо. Он бросается к машине, где у него хранится набор патентованных лекарств, но... его «форд», стремительно сорвавшись с места, мгновенно скрывается за поворотом. Турист останавливает проезжающее мимо такси и требует догнать украденный автомобиль. — За один месяц в Вашингтоне увеличилось количество краж на пятьдесят восемь автомашин, — с усмешкой сообщает ему шофер, нажимая на акселератор. И в тот же миг на голову приезжего обрушивается что-то тяжелое, заставляя забыть об украденном «форде» и вообще обо всем на свете. Когда турист приходит в себя, он обнаруживает, что лежит на мостовой в одном исподнем. На нем нет ни золотых часов, ни перстня, не говоря уже о бриллиантовых запонках. Склонившийся над ним знакомый полицейский о чем-то участливо говорит ему. Он слышит конец фразы:

«...семьсот восемьдесят шесть ограблений» — и впадает в беспамятство. Подошедший полицейский офицер, поправляя сигаретой, замечает: — Ты ему не о том говоришь. Лучше бы сообщил, что это — двадцать четвертое убийство за текущий месяц. Уходя в мир иной, приезжий с тихой грустью вспоминает информацию в утренней газете, которую он пробежал за чашкой кофе. Там приводились слова президента Джонсона, заявившего на заседании конгресса: «Преступность — это сегодня первая проблема в первом городе страны. Она продолжает расти. За прошлый год в столице нации было совершено почти 2 500 крупных преступлений с применением огнестрельного оружия — убийств, вооруженных нападений и ограблений». Последней на ум приходит перефразированная строчка из детского стихотворения: «Не ходите, дяди, в Вашингтон гулять...»

В. КАЧАНОВ

Кривая развития американской демократии.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Николай ЭНТЕЛИС

ВСЕ ПРОДУМАНО...

А. Шпрингер, владелец крупнейшего в ФРГ газетно-журнального концерна, заявил: «Я основываюсь на принципе, что немецкому читателю противопоказано мышление. Немцы не любят думать, и моя пресса обеспечивает им эту возможность».

Герр Шпрингер — маг! Он экономит время!
Он прост и ясен, словно пятью пять:
Он с плеч снимает тягостное бремя —
О чем-то думать, мыслить, размышлять.
Пусть будет Ганс работником ретивым
И даже гуся ест на рождество,
Пусть будет занят сексом, шейком, пивом,
А думать будет Шпрингер за него!

Пусть добрый Ганс бездумно марширует —
Мышление вредно здоровому уму.
Пусть барабанный бой его чарует —
Бетховены солдату ни к чему!
Пусть пускай стреляет метко, по-ковбойски,
В атаке проявляет мастерство,
Пусть падет в чужом краю геройски,
А думать будет Шпрингер за него!

Пусть храбрый Ганс горланит «Дранг нах остен!»,
На левых всюду нагоняет страх,
Пусть свастику малюет на погостах
И горы книг сжигает на кострах.
Зубрит пусть «Чрезвычайные законы»,
А мысли — это дурь и баловство!
Фон Тадден для него нужней иконы,
А думать будет Шпрингер за него!

Пусть позабудет Ганс о сорок пятом
И прошлое отбросит далеко,
Пусть будет он послушным автоматом
У власть имущих, Шпрингера и К°.
Они полны неистребимой жажды
Увидеть старых планов торжество...
В упряжку Ганса! Ведь уже однажды
Безумный Гитлер думал за него!

...урящий не стареет.
...ашил дознаться: почему?
...ал.
...зывается:
...собак тонкое обоняние,
...урящего всегда разит та-
...ры никогда не лезут ту-
...е люди не спят, а куря-
...сю ночь напролет каш-
...урящий не стареет, пото-
...о не доживает до старо-
Перевел с польского
Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ

ОТКРЫТИЕ

Год назад в маленьком городке я познакомился с весьма странным портье.
— У вас есть свободные номера? — спросил я.
— К сожалению, брат сломал руку, — ответил он.

— И что, тяжелый перелом? — встревожился я.
— Нет, — сказал портье. — Ему уже лучше. Ходит на костылях.
— Почему на костылях? — удивился я. — Он и ногу сломал?
— Жена доктора уехала в Крыницу, — сообщил портье. — Все удивлялись, но она сказала, что раз уж решила, то надо ехать.
— При чем тут все эти люди? Почему из-за несчастного случая с вашим братом я не могу переночевать в гостинице? — попытался я. — А где здесь у вас можно перекусить?
— Перекусить? — удивился портье. — Вознякова родила двойню.

— Какая Вознякова? — поинтересовался я.
— Та самая, — ответил портье. — А вам разве не все ли равно? Вы что, ее знаете?
— Нет, — признался я. — До свидания.
— До свидания, — вежливо попрощался со мной портье. — Приезжайте к нам почаще.
Год спустя я вновь приехал в этот городок, чтобы поболтать со странным портье. Увы, на его месте уже работал другой. Странный портье пошел в гору после того, как кто-то из приезжих обнаружил, что его способности можно с успехом использовать на более ответственной должности.
Перевел с польского В. СВЕТЛОВ.

ИСПЫТАНИЕ

В. ГАНЮШКИН

Вопрос: пить или не пить? — не вставал вовсе. Решение созрело сразу, как только увидели в цехе беспризорную бутылку технического спирта. Не то чтобы «на троих», а просто их оказалось трое, которые увидели.

Рационализаторскую мысль отягчали исключительно медицинские проблемы: на бутылки были изображены бывшая в употреблении черепная коробка и две скрещенные берцовые кости. Раньше подобных дорожных знаков на емкостях не встречалось.

- Кости! — сказал Первый.
- Отравал! — сказал Второй.
- «ДДТ!» — сказал Третий.

И они, делая вид, что так и было, сноровисто отлили из емкости около литра «голубой жизни», вернув в бутылку эквивалентное количество воды.

- Отстаивать! — предложил Первый.
- Фильтровать! — предложил Второй.
- Испытывать! — предложил Третий.

И повел их на улицу. Дворовый пес, как обычно, возлежал на солнцепеке в ожидании щедрот ущелившего его коллектива.

- Бобик! — позвал Первый.
- Шарик! — позвал Второй.
- Жучка! — позвал Третий.

Они заманили всеобщего любимца в беседку и, зажав его морду в коленях, влили в пасть полстакана сыря. Отпущенный на предмет продолжения эксперимента друг человека повел себя, как и следовало ожидать: лишенный возможности закусить, он шаровой молнией прокатился по заводскому скверу имени Профтехобразования, несколько минут самозабвенно катался по аллее Передовиков и, наконец, встав на задние конечности, надменно прошлепал перед окнами директорского кабинета.

- Готов! — отметил Первый.
- Права качать пошел! — отметил Второй.
- На карачках! — отметил Третий.

Они в темпе прошли по стопам четвероногого подопытного, опрокинули по стаканчику и, слегка попахивая наукой чудес — химией, пошли на трудовую вахту.

За поворотом аллеи их ждал удар судьбы: друг человека бездыханно распластался у бровки и не подавал признаков жизни.

- Хана! — посочувствовал Первый.
- Когти отбросил! — посочувствовал Второй.
- Отмаялся! — посочувствовал Третий.

Тут они переглянулись и хором икнули, так как вывод напрашивался сам собой: эксперимент продолжается, а наука требует жертв.

- В цехком! — ахнул Первый.
- Два пальца! — ахнул Второй.
- В медпункт! — ахнул Третий.

В медпункт они ворвались в том состоянии, которое подсказывает мысль о вызове дюжих санитаров.

- Спирт! — выдохнул Первый.
- Технический! — выдохнул Второй.
- Не жильцы! — выдохнул Третий.

Операция промывания желудков продолжалась около двух часов, которые им показались неделей без выходных плюс сверхурочные. От тазиков они поднялись, как огурчики: зелененькие и в пупырышках. Выжидательно сгрудились возле докторицы в размышлении больничного листа: как-никак, производственная травма. А докторица заявила:

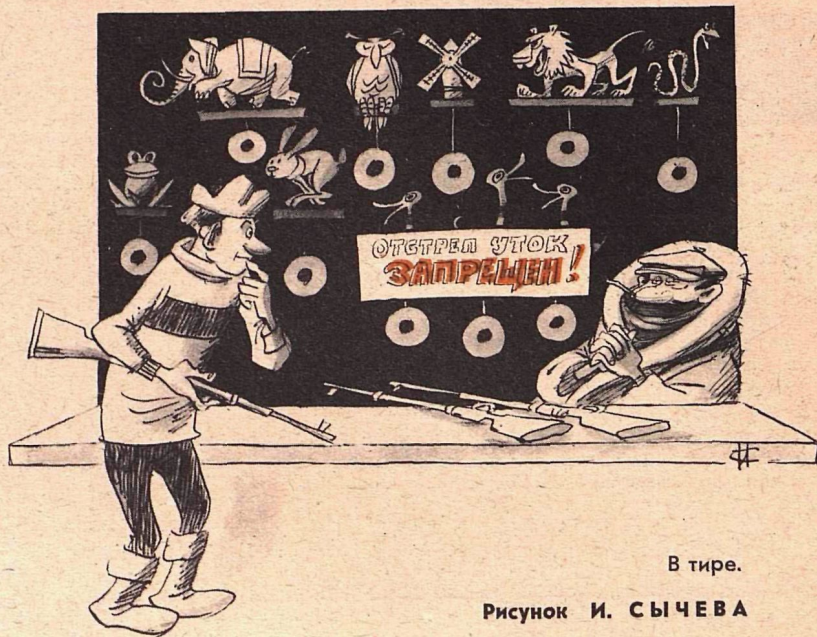
- Все! Можете приступить к работе. А в цех я сообщу — ждите собрания.
- Бе! — возразил Первый.
- Ме! — возразил Второй.
- Гы! — возразил Третий.

Путь «обратно» занял втрое больше времени, чем «туда». Тем более, что они решили отдать последние почести четвероному другу, ценою своей собачьей жизни спасшему их от летального исхода.

Они застали его в том же положении. Однако пес открыл неверный еще глаз и блаженно помахал хвостом: извините, мол, что не могу отблагодарить за угощение, как подобает, — стоя.

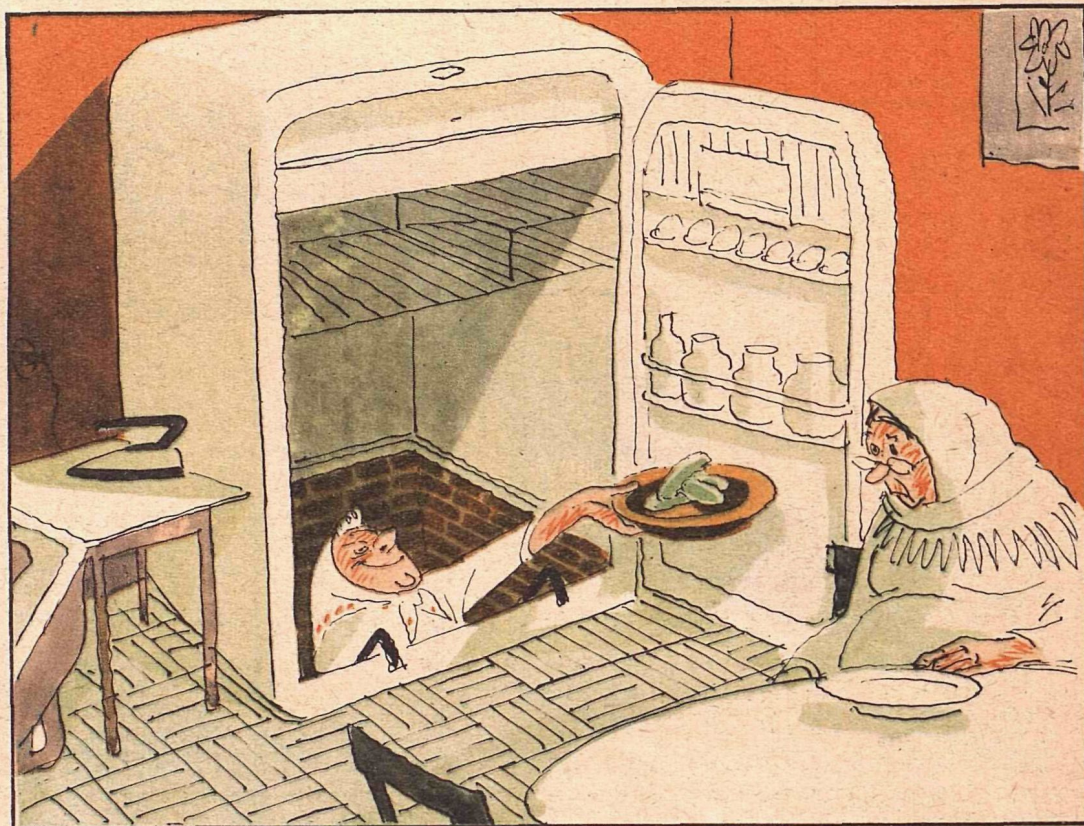
- Уу, скотина! — прошипел Первый.
- Двурушник! — прошипел Второй.
- Алкоголик! — прошипел Третий.

И пнул лежачего ногой.

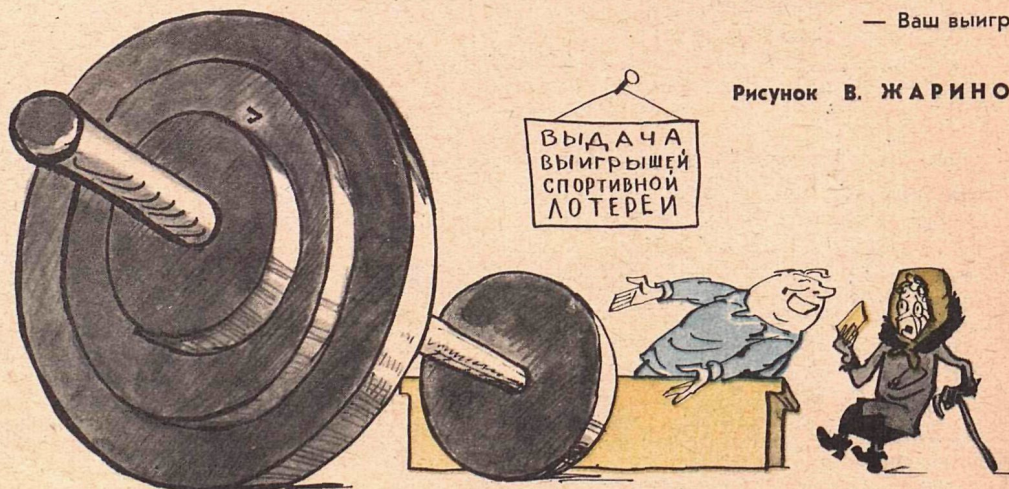
В тире.

Рисунок И. СЫЧЕВА

— А я своему деду так и сказала: «Без погреба не могу!»

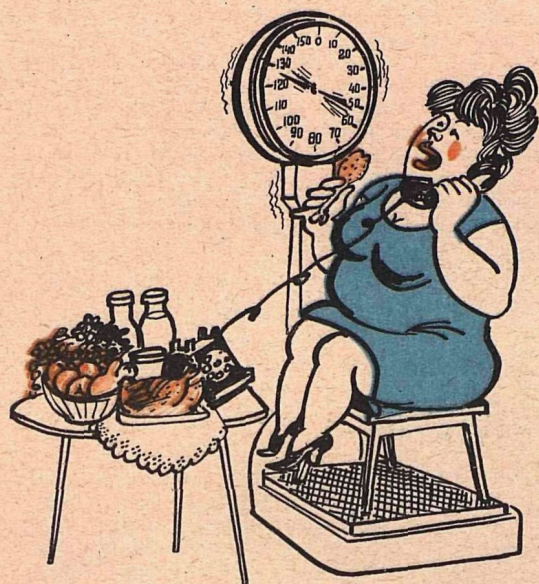
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Ваш выигрыш!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ДРУГОЙ МАСШТАБ

— Я села на диету...

Рисунок Б. САВКОВА

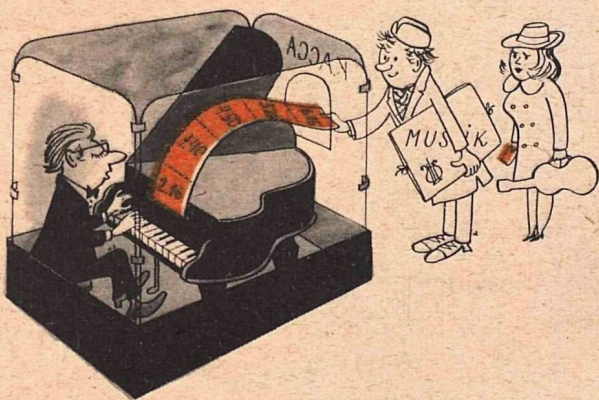

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Вы наш постоянный посетитель, и я просто обязан проводить вас домой.

Рисунок А. ГРУНИНА

Я просто поражаюсь, дорогие товарищи, до чего мы с вами за последнее время поумнели. И не то что поумнели, а как-то стали благороднее и, я бы сказал, возвышеннее в поступках. Одним словом, у нас стало меньше конфликтов кухонного масштаба. Нет, я ничего не хочу сказать. Конфликтов и сейчас хватает. Но масштаб другой. Сейчас предмет спора стал более весомый. А это позволяет враждующим сторонам не терять человеческого достоинства.

Ведь раньше что было? Вот на днях перечитал я рассказ одного мрачного юмориста о том, как на кухне подрались соседи. Они передрались из-за ежика, которым чистят примус. Стыдно сказать: из-за такой ерунды инвалиду голову пробили кастрюлькой. А инвалид, между прочим, ежика и в глаза не видел. Он только в середине тайма на поле вышел. Когда страсти еще только разгорались.

Ну, с нашей точки зрения, с точки зрения цивилизованных людей, такое разрешение конфликта — варварство, и больше ничего. Подумаешь — ежик! В наши дни такой пятак вряд ли может стать предметом спора. Потому что мы с вами стали культурней, и кругозор у нас стал шире. И, кроме того, ежик стал анахронизмом.

А конфликт может выйти из-за более стоящей вещи, ну, я не знаю какой, скажем, из-за холодильника. Да и протекает он более достойно, как это, например, было в доме № 6 по Волоколамскому шоссе. Есть в Москве такое здание, находящееся в ведении Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Читатель, конечно, может сказать, что это не показательно. Что в этом доме, наверное, все жильцы с высшим и средним специальным образованием.

Отчасти это верно. Но данное обстоятельство играет в нашем повествовании некоторую роль, и мы просим поставить на нем свое нотабене. Взять на заметку, другими словами.

Все началось с того, что жилец квартиры № 247 Николай Семенович Зайцев приобрел холодильник. Большой такой холодильник отечественного производства. Называется «Юрюзань» или что-то в этом роде. Тут надо сказать, что товарищ Зайцев — жилец высокоинтеллигентный. Он имеет ученую степень кандидата. И живет он в окружении таких же образованных соседей.

Так вот наш ученый привез холодильник и торжественно водрузил на кухне, наивно полагая, что он из этого агрегата будет впредь извлекать одни радости. В виде холодного пива и свежайшей колбасы. Но вышло совершенно наоборот.

Дело в том, что он сразу натолкнулся на оппозицию в лице своего соседа Черкасова Леонида Александровича. Этот сосед хотя и не является кандидатом наук, но, судя по манерам, тоже человек весьма интеллигентный.

Однако он воспротивился, чтобы на кухне стоял холодильник Зайцева. Почему воспротивился, и сам толком не знал. Нам он сказал, что Зайцев с ним не советовался. И это до некоторой степени его обидело. Он забеспокоился, как бы не пошатнулся его авторитет.

Но нам думается, что причина не в этом. Наверное, товарищ Черкасов знал, что холодильник в общей кухне устанавливается с согласия соседей. И он может не разрешить. А ведь это довольно трудно — иметь право что-либо запретить и не воспользоваться своим правом. Так что с этой точки зрения Черкасова вполне понять можно. И посему нет ничего удивительного, что он подал жалобу на Зайцева в товарищеский суд. А Зайцев немедленно подал жалобу на Черкасова в домовый комитет. Или наоборот, это неважно. Важно, что пошла писать губерния. И через небольшой промежуток времени в это дело уже была вовлечена общественность. И образовалась комиссия, чтобы выяснить, кто прав, а кто виноват.

Но выяснять разногласия между такими культурными людьми абы кого не пошлешь. Поэтому разбор поручается кандидату юридических наук. Мы умышленно не называем этого уважаемого товарища, потому что нам

как-то неловко упоминать его имя в связи с этой историей.

И вот когда началась проверка, то выяснилось, что кандидат наук Зайцев не стеснил своих соседей. Он просто поставил холодильник на место кухонного стола.

И вот появляется на свет божий акт, в котором говорится, что:

«...площадь, занимаемая холодильником и тумбочкой, составляет 0,65 кв. метра; стоявший ранее кухонный стол занимал по площади 0,54 кв. метра, и рядом с ним стояла табуретка, площадь которой составляла 0,12 кв. метра».

Если кому из читателей эти квадратные сантиметры покажутся такой же ерундой, как ежик, то мы просим их немного потерпеть.

В порядке строгой последовательности мы обязаны сообщить, что в этой квартире № 247 жил еще один сосед, Анатолий Владимирович Климушев. Тоже очень культурный человек. Инженер.

Он к появлению холодильника отнесся довольно индифферентно. А точнее, он и сам не знал, как к нему относиться. Сначала вроде положительно, а потом отрицательно. А когда у него спросили, почему он относится к холодильнику отрицательно, то инженер ответил: а почему, дескать, он должен относиться к нему положительно?

В таком вот плане.

Но этот инженер начислял плату за электричество. Потому что у Зайцева не было счетчика. И когда дошла очередь до холодильника, то он начислил совершенно небывалую, прямо-таки умопомрачительную сумму: два рубля с копейками. А этого Зайцев вынести никак не мог. Он пошел в Мосэнерго и со всей прямой спросил, может ли холодильник «Юрюзань» потреблять энергии в месяц на два рубля с копейками.

Но ведь вы знаете, как относятся в учреждениях к правдоискателям. Не очень-то внимательно относятся. Посоветовали съездить с этим вопросом в Юрюзань.

И тогда наш уважаемый кандидат пришел к инженеру и с возмущением в голосе спросил, почему тот заставляет его платить такую неслыханную сумму. Он принес инструкцию, где ясно было сказано, что холодильник может потреблять электроэнергию на рубль с чем-то.

Нам это обстоятельство тоже показалось любопытным, и мы, в свою очередь, спросили: почему?

А пребывали мы в тот вечер на этой самой кухне. У стен стояли враждующие стороны вместе с представителем прессы, корреспондентом «Крокодила». А на стульях сидел председатель товарищеского суда и упомянутый кандидат юридических наук. У всех у нас была одна святая цель: беспристрастно разобраться это важное дело. Между нами не было никаких драк или даже неуместных выражений. Каждый, кто хотел высказаться, скромно ждал, пока умолкнет предыдущий оратор, а потом просил слова. И тогда инженер, дождавшись своей очереди, буквально подавил аудиторию эрудицией. Он сказал в том смысле, что холодильник потребляет энергию в прямой пропорции от количества находящихся в нем продуктов. Что на первых порах за него действительно приходится платить мало, потому что хозяин, истратившись на холодильник, как правило, несколько месяцев держит его пустым. Но кандидат, наверное, много получает, потому что тут же набил его доверху продуктами. И что расход энергии зависит также от того, как повернут регулятор, и плотно ли захлопнута дверца, и что он все это добровольно учитывает и сообразно начисляет плату.

Мы ничего не смогли возразить против столь научной постановки вопроса. Мы поняли, что без высшего специального образования в этом вопросе разобраться нельзя. И мы просто напрасно теряем время. Но в то же время было очень приятно посидеть вечером в кругу воспитанных, культурных людей, которые так тонко, так любезно разговаривают на интересные темы. В заключение мы потолковали на олимпийскую тему, о погоде на завтра. И, любясь друг другом, разошлись по домам.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Москва.

ЗА СЧЕТ ЛИЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

Письмо, как пишут в газетах, по-звало в дорогу.

Автор письма Константин Петрович Красильников подвергся неслыханному издевательствам. Оказавшись проездом на станции Сувоикино, он среди дня был жестоко избит и обкраден. Беззаконие творили не кто-нибудь, а работники местного отдела милиции. «Три человека в милицейской форме,— сообщал автор,— и три человека в гражданской одежде, наверное, дружинники, напали на меня».

Шесть против одного. Вот какие нравы в Сувоикине.

Но это не все. Некий майор Козырев, или Козыренко, а может, Казаков — автор точно не помнит — тоже руку приложил. И хотя оказавшийся поблизости парень в черном спортивном костюме пытался остановить зарвавшегося блюстителя порядка, тот орал: «Пусти, я его убью!» Кто может остаться равнодушным к таким вопиющим фактам? Очертя голову мчусь в Сувоикино.

Конечно, трудно было ожидать, что виновные сознаются в своих злодеяниях. И я начал искать очевидцев, беседовать со старожилами... Увы, все безрезультатно.

Прихожу к начальнику отдела ми-

лиции Александру Ивановичу Ершову. Так-то, мол, и так, есть жалоба...

Не дослушав какая, начальник отдела устало спросил:

— Будете искать трех милиционеров и трех дружинников?

— Да.

— А также майора Козырева, Козыренко или Казакова? Парня в черном спортивном костюме?

— Совершенно верно. А откуда вы знаете?

— Должен вас огорчить. Вы не Христофор Колумб.

— То есть?

— Вы не первооткрыватель.

Оказалось, что я действительно не Христофор Колумб. До меня письмо Константина Петровича уже проверяли:

прокурор следственного отдела областной прокуратуры;

сотрудник областного управления охраны общественного порядка;

два представителя двух других областных организаций.

Что касается местных товарищей, то, поскольку они командировочных удостоверений не отмечали, Александр Иванович забыл им число.

— Ну и что? — спросил я.

— А вы лучше сами у них узнайте.

Я так и сделал. Возвратившись в

Волгоград, познакомился с выводами товарищей, проверявших письмо Красильникова. Все пришли к единому заключению: факты не подтвердились.

Кроме одного. Константин Петрович действительно проездом был в Сувоикине. Его подобрали на улице и доставили сначала в милицию, а потом в больницу, где врачи констатировали тяжелое состояние после принятия большой дозы наркотиков. Вызвали жену, и та взяла Красильникова, как говорится, «на поруки».

За что затаил обиду на работников отдела милиции подобранный Красильников, за что настроил на них жалобы, — это так и осталось тайной. В данном случае меня интересует другое. Как быть в тех случаях, когда жалоба не подтверждается? Нужно ли тратить государственные деньги на третью, пятую, десятую проверку высосанных из пальца «фактов»? Не лучше ли оплату расходов отнести за счет самих сочинителей? Скажем, пригласить К. П. Красильникова в районный суд и сказать:

— Вам предъявлен иск на оплату командировок товарищей, ездивших по вашим письмам. Деньги переведите в такие-то и такие-то организации.

И тогда легко представить се-

бе такую картину. Сидит дома за стаканом чая Пал Петрович или Сидор Сидорыч и интересуется у своей по-ловины:

— Машенька, а сколько у нас на сберегательной книжке денег?

— Восемьсот рублей... Мы же решили новый гарнитур купить.

— А зачем нам новый? У нас, слава богу, еще и старый хорош. Я вот слышал, что на Северном полюсе всех белых медведей перекрасили в серых.

— Зачем?

— В том-то и дело — зачем? Но ведь безобразия! всю жизнь были белыми — и вдруг стали серыми. Я думаю, на восемьсот рублей можно будет послать для проверки целую комиссию. Напишу-ка я жалобу, пусть разберутся.

И пишет. И разбираются. Летят на Северный полюс, ловят медведей. И все это за счет самого жалобщика.

А так — что с Красильникова спросишь? Говорят, он теперь пишет жалобы на тех, кто переводя. Пусть едут, разбираются. За государственный счет.

А. ШЕЙНИН,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Сувоикино,
Волгоградской области.

— Мы стараемся делать так, чтобы с лекций никто не уходил...

Рисунок Е. МИГУНОВА

Радой КИРОВ

ПОБЕДИТЕЛЬ

ШУТКА

Проклятье!
Только вздумал спать,
Свет погасил...
А он — опять!
Пищит, зудит над головой
Комар ничтожный.
Ну, стой!
Теперь недолго попищишь!
Теперь навеки замолчишь!
Сейчас посмотрим,
Чья возьмет! —
И полотенцем...
Взад!.. Вперед!..
И вверх, и вниз,
Туда, сюда!..
Чтоб не осталось и следа.
Бац!.. Хлоп!..
Не слышно комара.
Каналья сдох. Давно пора!
Как эту тварь я не терплю!
Покончил с ним.
Улегся.
Сплю.
А утром глянул —
Обомлел.
Ох, сколько
Натворил я дел!
От вазы — только черепки...
Два абажура — на куски...
В буфете выбито стекло...
Как уцелеть оно могло!
В руинах
Комната моя...
А все же победитель я!
А все ж убил я комара.
Ухлопал навсегда.
Ура!

Перевел с болгарского Бор. ЮДИН.

Л. ЗОЛОТАЙКИН

ОНИ БУДУТ ВСПОМИНАТЬ...

Много лет прошло с наших пор.

Все работали. Один старик сидел на лавочке перед домом. Он зевнул, достал из кармана телеприемник и настроил его на свое имя.

— Здравствуйте, Федор Кузьмич!— улыбнулась диктор.— Не забудьте, что с завтрашнего дня начинается лето. Утром и вечером ясно. В полдень небольшая облачность. Ночью по средам и субботам дождь...

— Все известно,— вздохнул старик.— Бывало, я погоду по ревматизму определял. Левая нога очень дождь не любила. А теперь и ревматизма нет. А лето раньше было. Сидишь в шубе, аж жарко! Или январь. Зима. А идет дождь. Ухнешь в лужу по колено— вот, думаешь, чудеса! Три раза в день прогноз меняется. А сейчас объявляют: «Эту осень решено провести ясной и прохладной. Температура 10—15 градусов тепла».

Рутину.

— ...Напоминаю, что завтра понедельник,— продолжала диктор.— Вам, Федор Кузьмич, нужно принять пищевой укол. На эту неделю питательные смеси составлены по рецептам восточной кухни.

— Вот ездишь каждую неделю,— проворчал старик,— кольнут— и сыт до другого понедельника. А, бывало, сколько за столом время убиваешь. Вечером, к примеру, налопаешься— и спать. Сразу сны интересные видишь, про шпионов. Всю ночь ворочаешься. А сейчас спишь, как чурка. Утром ни в голове треска, ни во рту оскомины.

Будни.

...На экране телеприемника появилось озабоченное лицо внука Федора Кузьмича.

— Дед, а что ты сидишь?— спросил внук.— Тебе же на разминку пора.

— Ух ты, склероз!— засуетился старик.— Мы же сегодня в баскетбол с марсианскими пенсионерами играем. Календарная встреча.

И сразу вспомнилось ему, как, бывало, по целым дням резались на бульваре в шашки. Наденут калоши и никакого дождя не боятся.

Старик вздохнул и начал укладывать в чемодан трусы и тапочки.

Старикам всегда будет о чем вспомнить и вздохнуть...

— Вечно ты, мама, путаешься под ногами...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Когда поезд тронулся, жена, вздохнув, сказала мужу:

— Ах, если бы здесь было пианино!
— Что за глупые идеи приходят тебе в голову? — ответил муж.

— На пианино остались наши железнодорожные билеты.

Мать хвалит жениха, а дочь ей раздраженно отвечает:

— Оставь меня в покое, мама! Разве ты не видишь, что мистер Браун стар, некрасив и противен! Единственное его достоинство — это деньги...

— Почему единственное, доченька? Не забывай о его пороке сердца!

В учреждение пришла посетительница.

— Я к директору, — сказала она секретарше.

— Директор занят и не велел никого к себе пускать.

— Но мы с ним школьные друзья.
— Этого не может быть, — ответила секретарша. — Наш директор никогда не учился в школе.

— В этом месяце я не в состоянии заплатить жене алименты. Не согласится ли она, чтобы я вернулся к ней на эти 30 дней?

Совет мудреца:
— Познай самого себя, только никому не говори о результатах.

Посетитель обращается к официанту:

— В вашем городке всегда целыми днями льет дождь?

— Охотно бы вам ответил, но я не обслуживаю ваш столик.

Пациентка говорит доктору:

— Боюсь, доктор, что так вы диагноз не поставите. Вы прощупываете пульс, выслушиваете, простукиваете и ни разу не спросите, как я себя чувствую.

— Как вы себя чувствуете?
— Ой, лучше и не спрашивайте!

В Нью-Йорке судят взломщика.

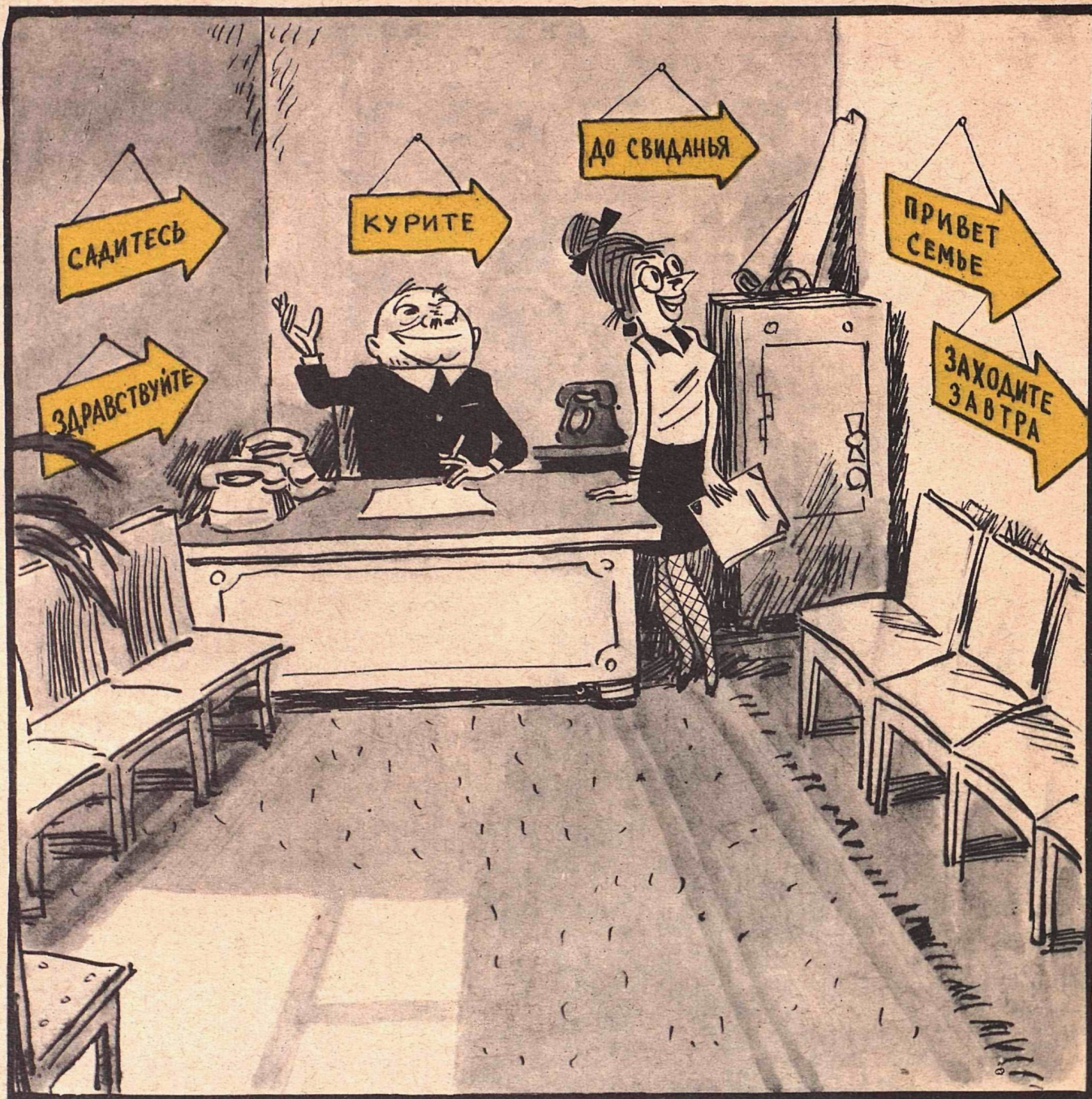
— Обвиняемый! Каким образом вам удалось открыть сейф?

— Этого я не могу сказать вам, господин судья, потому что в зале находятся мои конкуренты.

В беседе с известным автором детективных романов журналист спросил:

— Чем вы объясняете, что детективы пишут преимущественно мужчины?

— Очень просто, — ответил писатель, улыбаясь. — Женщина не смогла бы до конца романа сохранить в тайне, кто убийца.

— Теперь-то уж меня не обвинят в нечутком отношении к посетителям!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

«У себя в детском саду мы создали добротные постройки из героев детских сказок.»

(Из выступления.)

«С радостью уезжая с совещания, мы увозим хороший осадок.»

(Из выступления.)

«В результате проверки установлено, что поправу указанного посева допустил пастух К. И. Ивашкин с помощью пяти коров крупного рогатого скота.»

(Из акта проверки.)

«Отдельные контролеры-ревизоры поездов пытаются превращать безбилетных пассажиров в ручную кладь.»

(Из акта ревизии.)

Собрал Бор. ЛУПИНОС.
г. Москва.

«Мне стыдно было идти домой, потому что все равно жена узнала бы, что я выпил не в первый и не в последний раз.»

(Из объяснительной записки.)

Копию снял З. БАЛАЯН.
г. Петропавловск-Камчатский.

«Если я валяюсь пьяным, то святой долг общественности приглядеться ко мне, так как водка никому не запрещена.»

(Из заявления.)

Прислал Г. СКУБИЛИН.
г. Брянск.

«Продается пожилой дом.»

(Из объявления.)

Списала А. СМЕРДОВА.
г. Халтурин,
Кировской области.

«В магазине № 2 продается свежемороженая соленая рыба типа «Кальмар тихоокеанский».

(Из объявления.)

Прислал Д. ИВАНОВ.
Ошская область.

«Аттестация

За время обучения в училище показал себя недостаточно дисциплинированным, слабо успевающим курсантом. Внешне неопрятен, неподтянут. Систематически нарушал форму одежды. На замечания старших реагирует не всегда правильно. К несению службы суточных нарядов относился халатно. Неинициативен. Организаторские способности развиты слабо.

Вывод: достоин присвоения звания техник-судоремонтник.

(Выдана одному выпускнику Астраханского мореходного училища.)

Копию снял А. МОЗГУНОВ.
г. Баку.

«...Курить только в определенных местах. От непогашенного окурка часто возникают пожары. Недавно произошел анонимный случай на складе — от брошенного окурка загорелась щепка.»

(Из инструкции по технике безопасности.)

Списал В. ВАСЕНИН.
г. Новокузнецк.

Научные сотрудники Армянского НИИ экономики и организации сельского хозяйства утверждают, что армяне никогда не носили папах, а редакторы издательства Академии наук Армении уверенно подтверждают этот фант. Хочу напомнить уважаемым товарищам армянскую поговорку: «Вместо того, чтобы бить жену, сними папаху, побей ее и снова надень». И неужели коллентиву сотрудников Института зоологии АН Армянской ССР, которые пишут: «Плов для армянина такое же национальное блюдо, как для китайца «сольонин», — неизвестны десятки древних армянских изречений и поговорок, в которых упоминается это традиционное кушанье, ну скажем: «Плов есть — аппетита нет, аппетит есть — плова нет» и т. д.

В эпизоде же с однообразными кварталами нового района, возмущившем некоторых корреспондентов, речь идет вовсе не об окрестностях Еревана, известными своими прекрасными домами из розового туфа разных оттенков.

Уж из одного этого описания читатели могли понять, что, рисуя юмористическую ситуацию, автор совсем не имел в виду Армению, где когда-то жили его деды и прадеды. И огорчительно, что многие читатели меня не поняли.

А за внимание к моему скромному произведению и дружескую критику спасибо!

С. ДОВЛАТОВ

г. Ленинград.

От редакции. Публикуя письмо С. Довлатова, автора рассказа «Когда-то мы жили в горах», редакция журнала не может замалчивать и своей собственной вины. Поступившие критические отклики читателей свидетельствуют о том, что работники редакции, готовившие упомянутый рассказ к печати, отнеслись к оценке произведения поверхностно. Они не помогли молодому автору устранить из рассказа ряд мест, легкомысленно и неверно трактующих народные обычаи и традиции. А это и вызвало справедливую читательскую критику.

Настоящей публикацией редакция исправляет допущенную ошибку.

меститель тов. Зайцев А. И. Зато вспомнила секретарь тов. Арсенова, милая девушка Наташа. И даже книгу показала, где написано, что вот, мол, пришло письмо, а вот, мол, оно ушло... Куда ушло? Ушло в Министерство просвещения СССР.

Снова иду в Министерство просвещения СССР. А там говорят примерно следующее: «Может быть, письмо и нам тогда и пришло, но, видимо, оно тут же ушло...» Куда ушло? Ушло в Министерство просвещения РСФСР! Поскольку все, что тогда приходило на адрес Министерства просвещения СССР, уходило в Министерство просвещения РСФСР.

И тут стало ясно, что никогда из этого заколдованного круга не выбраться и редакционный запрос не найти.

Но уж коли так получилось, тогда, может быть, можно получить ответ и в устной форме? Решил обратиться за советом к заместителю начальника Управления школ Министерства просвещения РСФСР товарищу Зайцеву А. И. Товарищ Зайцев ознакомился с фельетоном и посоветовал обратиться в Управление школ Министерства просвещения СССР. А в Управлении школ Министерства просвещения СССР посоветовали обратиться... Куда бы вы думали? Правильно! В Министерство просвещения РСФСР! И, видимо, пришлось бы еще долго крутиться в этом замкнутом круге, если бы не начальник Управления школ Министерства просвещения СССР тов. Коротов В. М.

А вы нигде больше не ходите, а просто пришлите новый запрос. Придет запрос по адресу, по инстанциям пройдет, и нужному человеку попадет, а нужным человек даст ответ редакции и всем читателям Крокодила!

Вот мы и решили последовать мудрому совету и направляем новый запрос. Только не как в прошлый раз — в одном экземпляре, а сразу в 4800 000! И не на машинке, а типографским способом. Авось, теперь не потеряется!

А. ПОРТЕР

О РАССКАЗЕ «КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ»

Дорогие земляки!

В 26-м номере журнала «Крокодил» был опубликован мой рассказ «Когда-то мы жили в горах». Рассказ вызвал много откликов из Армении, но, к сожалению, весьма нелестных. Авторы писем обвиняют меня в незнании обычаев родного армянского народа, в искажении действительности.

Так вот, прежде всего хочу подчеркнуть, что в своем рассказе я попытался с иронией изобразить армян, давно живущих вдалеке от Армении, например, в Ленинграде, потерявших связи с армянскими традициями. И сохранивших, культивирующих лишь чисто декоративные, экзотические, а в конечном счете ложные представления об обычаях своего народа. Нетрудно догадаться, что многое из того, о чем говорится в рассказе, имеет непосредственное отношение и к его незадачливому автору. Таким образом, большинство упреков, обращенных вами ко мне, уже адресовано мной героям моего рассказа.

Мы, армяне, можем гордиться своей страной. 2750 лет прошло с тех пор, как на неприступном холме была заложена крепость Эребуни. Веками создавалась великая армянская культура, складывались традиции и обычаи народа, в тяжелых испытаниях формировался его национальный характер. Всеми миру известны имена армян, прославивших свою Родину. Полотна Мартироса Сарьяна, музыка Арама Хачатуряна, книги Мариэтты Шагинян стали достоянием мировой культуры. Гордостью советской науки является Виктор Амбарцумян. Наивно было бы думать, что кому-то по силам очернить армянскую культуру, бросить тень на армянский народ.

К сожалению, в рассказе имеются досадные неточности, связанные с описанием быта, и я благодарен всем, кто указал мне на них.

Хотя в отдельных случаях можно и возразить кое в чем читателям журнала.

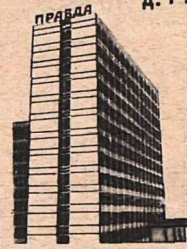

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, Е. Гуров, В. Жаринов, В. Тамаев, И. Сычев, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]

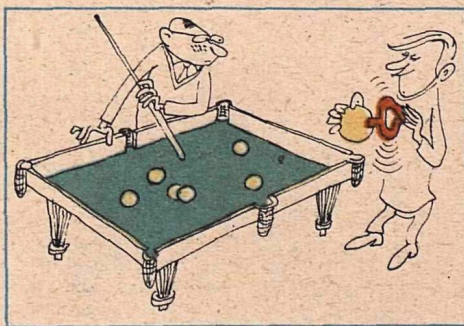
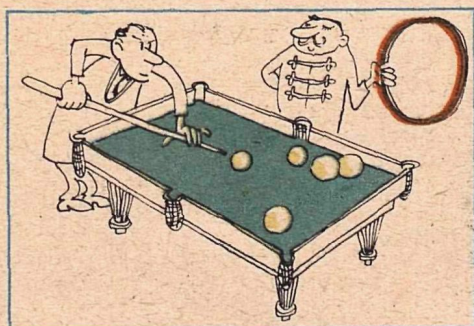
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
[ответственный секретарь]

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМIRHOV
А. А. СУКОHЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

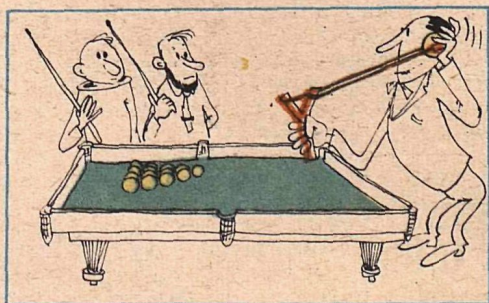
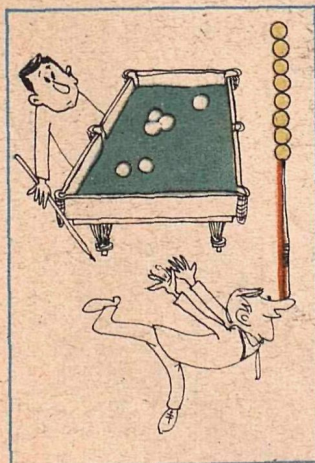
А 00215.
Подписано к печати 18/ХІ 1968 г.
Формат бумаги 70×108½
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 800 000 экз.
(1-й завод: 1—4 029 500).
Изд. № 2023.
Заказ № 3183.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

15 шаров

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Психологическая атака.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

61648

АФИНСКИЙ
МИКРОФОН

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛ. ЭКЗЕМПЛЯР
1968 год

Бор. Ефимов - 68